

мариованно

Джулия
Энн Лонг

Треховная
невинность

Long

Джулия Энн Лонг
Греховная невинность
Серия «Пенниройял-Грин», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22148297
Д. Э. Лонг. Греховная невинность: Издательство АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-092808-8

Аннотация

Недавно овдовевшая красавица Ева Дагган – куртизанка, сумевшая выйти замуж за своего покровителя-графа, – наивно полагала, что бомонд забудет о ее прошлом. Однако бывшей даме полусвета не нашлось места в обществе, и Ева, униженная и отвергнутая, была вынуждена поселиться в провинции, в унаследованном от мужа доме. Именно там, в сельской глуши, она впервые в жизни страстно полюбила. Но, увы, предметом ее страсти стал не кто иной, как молодой священник Адам Сильвейн, которого все в округе считают образцом добродетели. Так смеет ли бывшая куртизанка рассчитывать на то, что Адам ответит на чувство, которое ей все труднее скрывать?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	76
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Джулия Энн Лонг

Греховная невинность

Julie Anne Long

A Notorious Countess Confesses

© Julie Anne Long, 2015

© Перевод. В. И. Агаянц, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Глава 1

Церковь – последнее место, где ее стали бы искать, в этом она не сомневалась. Впрочем, Ева не надеялась спасти свою душу, отмаливая грехи. Слишком поздно было каяться. Молва уверяла, будто душа ее так же черна, как вдовий наряд, который она сбросила с непристойной поспешностью, торопясь задрать юбки перед лордом Булманом, графом Уэрреном. Несчастливым простаком, которого впоследствии она и убила с той же скандальной стремительностью. Хотя чего еще ожидать от особы... с таким прошлым?

Все это, разумеется, было чистейшим вздором. Ева носила траур ровно столько, сколько предписывал светский этикет (покойный граф велел вытиснить ее имя золотом на обложке книги со сводом правил хорошего тона – он обожал забавные выходки такого рода). Ева изучила книгу вдоль и поперек – разве что не вызубрила наизусть, словно заклинание, которое способно распахнуть перед ней все двери, разрушив стену холодного пренебрежения высшего света.

Вдобавок... если граф и оказался несчастной жертвой, то погубил его... собственный энтузиазм.

Главной ее ошибкой стала наивность. (Ева впервые услышала это словечко от некоего французского принца в изгнании, который назвал ее наивной.) При воспоминании о прошлом Еву и теперь охватывала досада. До того как выйти за-

муж за графа, она воображала, что эпитафия на ее могиле будет звучать так: «Здесь покойся Ева Дагган. Никому не удалось взять над ней верх». После замужества она позволила себе какое-то время почивать на лаврах и даже предавалась мечтам: «Здесь покойся Ева Дагган... преданная жена и нежная мать, в мире не было женщины, которую любили бы сильнее...»

Именно в этом... и заключался непростительный промах. Если б не безрассудные фантазии, Ева, возможно, предугадала бы, что случится дальше. Мечты размягчают. Ей не следовало забывать, что судьба благоволит прагматикам, а не мечтателям.

Теперь же она чувствовала себя слишком измотанной, чтобы всерьез беспокоиться о спасении своей грешной души. Непривычная усталость удручала ее, пригибала к земле, душила, как тяжелое колючее одеяло.

Ева благочестиво сложила руки на коленях. Тонкие пальцы в элегантных перчатках сами собой образовали фигуру наподобие купола древнего храма. Она всегда предпочитала учиться с помощью подражания. Горничная Хенни, сидевшая рядом, заерзала, устраиваясь поудобнее. Скамьи установили много веков назад, когда мужчины и женщины были куда меньше ростом, что, как подозревала Ева, помогало им проворно карабкаться на деревья и прятаться в листве – так поступают белки при приближении хищника. История Англии полна жестокости и лютой злобы. По крайней мере,

так уверял один из восторженных поклонников Евы, вертевшийся за кулисами театра «Зеленое яблоко», где она некогда начинала свою сценическую карьеру. Он мог предложить ей лишь букетики полевых цветов да свою страсть к истории. Это, разумеется, означало, что у него не было ни единого шанса привлечь внимание Евы. Она всегда отличалась практичностью и здравым смыслом, однако питала глубокое уважение к страсти любого рода, а также умела слушать. Оба этих качества сослужили ей неплохую службу.

Безжалостный высший свет превратил печально знаменитую Еву Дагган в испуганную белку как раз в тот миг, когда ей казалось, что она напала на золотую жилу. Волею судьбы оказавшись в Суссексе, в Пеннироял-Грин, она надеялась, что сможет на время укрыться здесь. Затаиться, пока не уляжется шумиха. В конце концов, в этом городке нашли пристанище Эверси, один из которых когда-то ловко сбежал прямо с помоста виселицы, устроив взрыв и исчезнув в клубах дыма на глазах у многотысячной толпы. Разве ее история не меркла в сравнении с этим скандалом?

Однако позорное прозвище, которым заклеил Еву свет, оказалось чертовски живучим и приклеилось к ней намертво.

Впервые она почувствовала, что собственная судьба ей больше не подвластна. Жизнь, словно норовистая кобылица, вырвалась у нее из рук, оборвав узду. Ева беспомощно завертелась волчком, зашаталась на нетвердых ногах, не зная,

куда теперь идти. Возможно, поэтому ее вдруг заворожил звон церковных колоколов, когда вскоре после рассвета карета графини въехала в городок Пеннироял-Грин. Казалось, колокола манят, зовут к себе, и Ева поспешила на зов. Быть может, в этой новой жизни ей предстояло стать благочестивой особой, посещающей церковь, а не роковой красавицей, чье появление на аллее Роттен-Роу в Гайд-парке неизменно вызывало сенсацию – стоило ей выехать на верховую прогулку в сопровождении очередного воздыхателя, как другие всадники сворачивали шеи, провожая ее жадными взглядами, и падали с седел. Кто знает, возможно, со временем ей удалось бы подружиться со здешними женщинами, ведь у нее не осталось ни единого друга, хотя еще недавно Ева думала, будто ее окружает множество друзей.

– Тебе обязательно поминутно ерзать, Хенни? – прошипела она.

– Прошу прощения, миледи, но эта скамейка жесткая, как сердце палача, и узкая, точно крысиная нора. Моя нижняя юбка задралась аж до самой зад...

Две леди на передней скамье повернули головы, широко разинув рты от негодования.

Они уставились на Еву, придиричливо оглядывая отороченную мехом накидку и изящную шляпку, льнувшую к лицу, словно игривые пальцы любовника, оттеняя высокие скулы и изумрудно-зеленые глаза. На перекошенных лицах женщин отразилась богатая гамма чувств: изумление, подозре-

ние, зависть, замешательство и, наконец, откровенное любопытство.

Но, слава богу, не узнавание.

Ева ответила им легкой безмятежной улыбкой.

Наклонившись к госпоже, Хенни пробормотала вполголоса:

– Батюшки мои, здешние горожане на диво любезны, миледи. Пялятся, раззявив рты, прежде чем начнут донимать всякого, кто стоит выше них.

Женщины мгновенно отвернулись, уставившись перед собой. Шелковый цветок на шляпе одной из кумушек мелко трясся, будто от ужаса. О, Хенни умела нагнать страху.

Послышался торопливый шелест, словно ветер заворочил траву на лугу. Мгновение спустя Ева поняла, что означал этот звук: головы всех собравшихся повернулись в сторону алтаря, а обтянутые шерстяным сукном зады беспокойно скользнули по отполированным до блеска деревянным скамьям.

Ева тоже повернула голову.

И тотчас поймала себя на мысли: «Ну, здешний пастор явно слишком высок для духовного лица». Однако, хорошенько подумав, Ева не смогла припомнить, чтобы когда-нибудь видела настоящего священника. Может, устрашающий рост полагается им по должности, без этого их не принимают на службу? Она с удивлением отметила, что у пастора прекрасная фигура: широкие плечи, тонкая талия и узкие бедра. В

руках у него зашуршали листы, наверняка исписанные наставлениями, главное назначение которых – очистить и возвысить души прихожан. Священник склонился над своими записями, будто согнулся под тяжестью незримых крыльев.

Ева могла бы поклясться, что плечи всех собравшихся в церкви женщин приподнялись и опустились в едином вздохе, когда пастор поднял глаза и улыбнулся, прежде чем снова уткнуться в страницы проповеди. Его легкая теплая улыбка, не обращенная ни к кому и все же адресованная каждому, сделала бы честь любому священнику. Ева провела достаточно времени на театральных подмостках, чтобы по достоинству оценить актерское мастерство. И она достаточно хорошо знала мужчин и относилась к ним с изрядной долей цинизма.

Мужчины ее больше не интересовали. Ева не нуждалась в них. И это обстоятельство, вне всякого сомнения, выгодно отличало ее новую жизнь от прежней.

Впрочем, Хенни придерживалась иного мнения на сей счет, не разделяя взглядов хозяйки. Похоже, она не осталась равнодушной к чарам молодого священника.

– Силы небесные! – прошептала служанка, вцепившись в руку Евы, и, чуть помедлив, добавила: – Нет, вы только взгляните на этого парня! Я бы не задумываясь пустила его в свою постель, уж не заставила бы его ждать...

Ева с силой ткнула ее локтем в бок.

– Доброе утро. Благодарю вас, что пришли.

Голос пастора поразил Еву: звучный, как колокол, чуть хрипловатый баритон напоминал яркий солнечный луч, проглянувший сквозь нависшие тучи серым пасмурным днем. Хотелось закрыть глаза и наслаждаться чарующей красотой этого голоса. Ева смежила веки, слегка запрокинула голову, будто подставляя лицо солнцу, и замерла.

Однако обостренное чувство опасности заставило ее снова открыть глаза. Она как-то слышала, что один из Эверси уснул в церкви, повалился вперед и разбил подбородок о спинку передней скамьи, прежде чем рухнуть на пол.

Ева вся обратилась в слух.

– Козлы, – произнес священник.

Прихожане заволновались – кое-кто смущенно заерзал. Послышался кашель, похожий на сдавленные смешки и фырканье.

Ева тоже смешалась, но не теряла надежды. Неужели неподобный собрался попотчевать ее проповедью о козлах? Нет, это попросту невозможно. Наверное, он сказал... слы, а не козлы? Это ведь куда интереснее.

– Многие из нас держат этих рогатых животных, – продолжал пастор, – поэтому мы знаем, что те обычно бодаются по двум причинам: ради забавы или... утверждая свое превосходство.

Значит, речь все же шла о козлах! Господи боже! Если бы Еве требовалось убедиться, что она больше не в Лондоне, едва ли нашлось бы более убедительное доказательство.

Почему-то ей не приходило в голову, что в Пеннироял-Грин можно умереть от скуки. Скука всегда вселяла в нее ужас. До сих пор Еве неизменно удавалось избегать этой напасти, она обладала настоящим даром. Не зря бессознательное чувство самосохранения подсказывало ей держаться подальше от церквей.

Она бросила отчаянный взгляд на дверь. Вряд ли у нее хватило бы смелости броситься бежать по проходу между рядами, а распахнуть тяжелую старинную дверь она смогла бы разве что налетев на нее всем телом, точно таран, хотя, возможно, Хенни справилась бы с этой задачей успешнее.

Но Хенни восторженно пожирала глазами пастора.

Снова повернувшись к алтарю, Ева обнаружила, что солнце уже довольно высоко и его лучи вливаются в окно церкви, освещая фигуру проповедника. Зрелище заворожило ее. Кажалось, перед нею разыгрывалась пьеса на сцене небесного театра. Округлые черты и угловатые контуры лица священника сошлись воедино будто с единственной целью – разбивать женские сердца. Прекрасной лепки подбородок разил наповал, словно отточенный клинок, заостренные скулы заставляли вспомнить о неприступных крепостных стенах, а строгая линия рта ввергла бы в соблазн и святую. О таких лицах стихотворцы слагают поэмы. Причудливая игра света и теней придавала его чертам особую выразительность. В них удивительным образом сочетались чувствительность и непреклонность.

Разумеется, сердцу самой Евы опасность не грозила по той простой причине, что ни один мужчина не сумел бы к нему подобраться. И все же зачем простому священнику из крошечного городка внешность неотразимого красавца, величественная осанка, спокойная властность и уверенная манера держаться? Ева слишком хорошо знала мужчин, чтобы понимать: удивительное внутреннее спокойствие пастора действует на прихожан сильнее привлекательной наружности, именно оно и притягивает к нему все взгляды.

Она съежилась на узкой скамье, внезапно почувствовав, что угодила в ловушку. Пришлось напомнить себе, что она в церкви, а не в тюрьме. А поскольку сбежать Ева не могла, оставалось лишь стоически терпеть. Любоваться священником, как любят пейзажем за окном кареты, и рассеянно слушать его голос, будто это пение птиц или шум морского прибоя. Такая тактика помогла ей продержаться какое-то время. Но могучее горячее бедро Хенни прижималось к ее бедру, как жаркая подушка, обтянутая саржей, вдобавок яркие лучи, бывшие в строгое витражное окно, не только освещали пастора, но и ровным прямоугольником ложились на скамью, где сидела Ева. Солнце пекло немилосердно. К тому же она устала, ужасно устала. Ее мысли медленно текли, цепляясь друг за друга, пока не начали расплываться.

Последнее, о чем она успела подумать, прежде чем ее сморил сон: «Если он ангел, то наверняка падший».

Ева подозревала, что у молодого пастора есть тайны, и

твердо намеревалась их вывести.

Когда козел мистера Элдреда напал на мистера Брануэлла, заставив последнего пролететь пять футов по саду, это было не что иное, как ответ на молитвы преподобного Адама Силвейна. Тем утром Адам пребывал в отвратительном настроении. Нешадно грызя в досаде перо, он писал одну пустую банальную фразу за другой, затем хватал листок, яростно комкал и швырял на пол, пока у стены не образовалась гора бумажных шариков, похожих на снежки. Временами он отчаянно ерошил густую копну волос (остриженных не слишком коротко именно с этой целью) и горестно сетовал, что выбрал духовное поприще, а не военное – уж лучше пасть на поле боя от вражеской пули, чем стоять в воскресенье перед толпой прихожан, чувствуя, что тебе нечего, равным счетом нечего им сказать.

Иными словами, суббота начиналась как обычно.

Но потом в доме священника появился мистер Брануэлл и, дрожа от негодования, продемонстрировал внушительную прореху сзади на брюках. Печальный инцидент (как выяснилось, у соседей вышел спор из-за земельных границ) расшевелил фантазию пастора. Охваченный вдохновением, он схватился за перо, и в одиннадцатом часу (подобное всегда случалось в начале одиннадцатого) «козлийный конфликт» обернулся пламенной проповедью о любви к ближнему. Надо признать, несколько прихожан истолковали эту заповедь

слишком буквально и следовали ей тайком. Адам знал об этом, поскольку, прослужив год в приходе Пеннироял-Грин, завоевал доверие паствы. Многие изливали перед ним душу, выкладывали самые сокровенные тайны.

«Преподобный знает подход к людям, – говорили они друг другу. – Он славный малый. Такой спокойный, уверенный. Ему можно рассказать все, и он всегда найдет нужные слова».

Однако в действительности Адам подчас понятия не имел, что отвечать. Нередко ответ приходил к нему, лишь когда прихожане вываливали на него свои беды, с надеждой или с вызовом заглядывая ему в глаза. За год тихой жизни в Пеннироял-Грин, куда он приехал по приглашению богатого дядюшки Джейкоба Эверси, чтобы занять скромное место приходского священника, Адам открыл для себя, что его работа напоминает переход по длинному темному тоннелю с горящим факелом в руке. Слабый свет факела не позволяет видеть ничего далее нескольких шагов. Иногда из темноты на путника бросаются летучие мыши, задевая крыльями лицо. Изредка на его пути встречаются тайники, полные сокровищ, или горы отбросов, а то и ямы с нечистотами. Временами тьма сгущается, и приходится пробираться вперед на ощупь.

По счастью, Адам любил неожиданности. Для него даже неприятные сюрпризы таили в себе необъяснимую притягательность. Впрочем, втайне он сознавал, что принадлежит к

породе завоевателей. Младший из шести бойких детей, вечно соперничавших друг с другом, Адам бывал временами дьявольски упрямым. Он не привык пасовать перед трудностями, будь то экзамены в Оксфорде, состязания в меткости или иные доказательства успеха, которым столько значения придавал его отец, человек весьма крутого нрава. Адам не опускал руки в отчаянии, когда проповедь не писалась или надо было придумать, как помочь не погибнуть от голода обнищавшему семейству О'Флаэрти, жившему на окраине городка. Еще мальчишкой он приучил себя добиваться совершенства во всем, за что бы ни брался, а потом следовал этому правилу всю жизнь, весело, обстоятельно и безжалостно покоряя одну вершину за другой, не давая себе поблажек. Кузены Эверси обнаружили в нем это качество не так давно. На состязаниях по стрельбе на первенство Суссекса Адам изумил свою родню, когда спокойно, без всякой шумихи поразил все мишени до единой. Он вернулся домой с серебряным кубком победителя, завоевав уважение всех мужчин в Пеннироял-Грин, тотчас решивших, что внешность священника не имеет значения, коли тот разбирается в ружьях, лошадях и собаках. А Адам Силвейн определенно знал в этом толк.

Появление в городке нового священника местные жители поначалу встретили с известной долей недоверия. Молодой пастор состоял в родстве с Эверси (по материнской линии) и, разумеется, унаследовал от них высокий рост и внешность неотразимого красавца. Последнее обстоятельство привле-

кало в церковь по воскресеньям толпы народа и наполняло томлением женские сердца. Адам знал: кое-кто из прихожан побаивается (а кое-кто робко надеется), что он начнет завязывать тесные отношения с паствой и соблазнять женщин. Далеко не все Эверси были мошенниками и распутниками. Однако люди обычно помнят не праведников, а грешников.

Адам понимал, что к нему пристально присматриваются, и главное для него – вести себя безупречно. Так он и поступил. Новый пастор любил людей, а потому без малейшего усилия сумел очаровать жителей городка – природа щедро наделила обаянием всех Эверси. Он не строил глазки молодым прихожанкам (среди которых встречалось немало хороших) и не бросал на них томные, загадочные взгляды. Адам никому не оказывал предпочтения, деля внимание поровну между всеми. Он поставил себе целью стать лучшим священником и теперь, оглядываясь назад, находил свое решение попросту комичным. Неустанными упражнениями можно добиться меткости в стрельбе по мишеням, но в духовного пастыря, сколько ни старайся, не превратишься, тут одного желания мало. Это случилось помимо воли Адама. Как жестко ни контролировал он каждый свой поступок, каждую мысль, некоторые вещи, похоже, контролю не поддавались. Адам и представить не мог, что пасторские обязанности, заставившие его погрузиться в жизнь городка, столь многое изменят в нем. Черета рождений, свадеб и смертей, нескончаемая круговерть радостей, бед, тайн, нужд и мелких

забот прихожан отшлифовали его дух, словно драгоценный камень, отсекали все лишнее, обнажив самую суть, и привели Адама к смирению. Не ожидая больше ни благодарности, ни признания, он сумел проникнуться людскими горестями и тревогами. Все дни Адам проводил в трудах, у него не было времени даже помечтать о том, чтобы соблазнить женщину. Каждую свободную минуту он отдавал прихожанам. Незаметно для себя он перестал стремиться к первенству и больше не желал сделаться лучшим священником, а лишь молил Господа послать ему терпения и мудрости, чтобы достойно исполнять свой долг. Постепенно набираясь опыта, он умело руководил делами церковной общины, однако в душе сомневался, что достоин своего сана. Адам знал лишь, что всегда будет стараться заслужить эту честь и оправдать доверие людей.

Со временем его все реже мучили ночные кошмары, в которых он совершенно голым стоял у алтаря перед прихожанами.

Однако женская половина паствы по-прежнему с пугающей регулярностью видела во сне эту же самую картину.

Пастор стоял на залитом солнцем церковном крыльце, а прихожане один за другим подходили к нему, чтобы поблагодарить за проповедь и обменяться рукопожатиями. Миссис Снит, почтенная мать семейства, остановилась перед ним, сияя улыбкой. Эта достойная дама воспитала пятерых сыновей, и все ее отпрыски, успешно женившись, добились

неслыханных успехов в карьере. Впрочем, под строгим ма-тушкиным надзором они бы не осмелились сплеховать. Теперь миссис Снит возглавляла целый батальон женщин, известный как Суссекское общество попечения о бедных, и видела свое призвание в том, чтобы творить добро и наставлять на путь истинный всякую заблудшую душу, какая только попадется ей в руки. Она как-то призналась Адаму, что ее самое заветное желание – увидеть чудо, настоящее чудо. В беседах с другими прихожанами миссис Снит называла нового пастора «образцовым священнослужителем», что заставило самых закоренелых скептиков отбросить последние сомнения в его непогрешимости.

– Чудесная проповедь, преподобный. Возлюби ближнего своего – прекрасное наставление на все времена, но часто следовать ему бывает ох как непросто. Надеюсь, на будущей неделе вы придете к нам на ужин. Мы обсудим предстоящий аукцион и другие зимние празднества.

В Пеннироял-Грин планировалось провести серию благотворительных мероприятий по сбору средств в пользу бедных: аукцион, городской бал и более многолюдное празднество, на которое дамы собирались пригласить гостей из соседних городов. Миссис Снит со своим комитетом занимались организацией торжеств, однако им то и дело требовались советы и одобрение пастора. Дамы оказывали поистине неоценимую помощь в многообразных делах прихода, требующих постоянного внимания и заботы.

Но, будучи незаменимыми, они и святого могли вывести из себя. Весьма пикантное сочетание, по мнению Адама.

– Я бы ни за что не упустил такую возможность, миссис Снит, – почтительно заметил он.

– Моя племянница из Корнуолла приезжает погостить, она присоединится к нам за ужином, – как бы невзначай обронила почтенная матрона.

Разумеется, кто бы сомневался...

– Буду рад познакомиться еще с одним членом вашей семьи.

– Она замечательная рукодельница. Ее вышивки просто бесподобны.

– Должно быть, вы очень... гордитесь ею.

Адам невольно запнулся, потому что именно в этот миг увидел хрупкую, миниатюрную женщину рядом с другой, огромной, как медведь. Та, что поменьше, сонно моргала и щурилась на солнце, будто вышла на свет из подземелья. И неудивительно. Луч света, словно указующий перст Божий упал на нее во время проповеди, и Адам заметил, что она крепко спит, слегка привалившись к «медведице». Мало того, она, кажется, еще и тихонько похрапывала, судя по трепещущей вуали у нее на шляпке.

Никогда прежде никто не засыпал на его проповедях. До Адама донеслись обрывки разговора.

– Забавно, что ты у нас вдруг стала знатоком правил хорошего тона, Хенни, но когда священник выглядит как...

— ...понятия не имею, что значит «чопорный», но оставим в стороне мудреные слова. Я просто изголодалась по зрелищам, с тех пор как мы приехали сюда, если вы понимаете, о чем я, миледи. Так что будьте так любезны...

— ...не хочу привлекать к себе внимание, Хенни, а ты знаешь...

— Вам понравился мед, преподобный? — Миссис Кранборн проскользнула на место миссис Снит и, лучезарно улыбаясь, обращалась к Адаму.

— Мед... ах да, еще раз благодарю вас за щедрый дар, вы очень добры.

Пастору вечно преподносили банки с медом, вареньем, яблочным джемом и всевозможными целебными мазями. Адам подозревал, что подобным способом ему намекали, насколько приятнее стала бы его жизнь, решись он вручить бразды правления женщине. Однако преподобный, по выражению его тетушки Изольды Эверси, оставался «опасно неженатым». Впрочем, чувства тетушки можно было понять, учитывая, сколько хлопот и волнений доставили ей в свое время сыновья, Колин и Йен. Самого же Адама вполне устраивало положение холостяка. Правда, на смену кошмару, в котором он видел себя голым у алтаря, пришел другой, где он плыл по дому священника, утопая по шею в черничном варенье, и, добравшись наконец до выхода, обнаруживал, что дверь наглухо зашита разноцветными нитками, а посередине аккуратными стежками выведена надпись: «Бла-

гослови Господь наш дом».

К его удивлению, маленькая дама и «медведица» подошли ближе.

Миссис Кранборн бросила взгляд на огромную женщину в темном саржевом платье, вздрогнула и невольно попятилась, изумленно округлив глаза.

Адам впервые внимательно посмотрел на леди, которой наскучила его проповедь. Ее внешность поражала обилием ярких цветовых контрастов: черные локоны на висках оттеняли белый алебастр щек, а ярко-зеленые глаза сияли, как два изумруда, под дымчатой вуалью, свисавшей со шляпки. Элегантная накидка лежала изящными волнами и соблазнительно колыхалась при каждом движении. Лишь самые лучшие портнихи способны достигнуть подобного совершенства – уж это-то Адам знал. Стоявшая перед ним женщина казалась нереальной, словно сошедшей со страниц книги. Определенно, ее можно было назвать красавицей. Но Адама привлекала красота иного рода. Ему нравились женщины земные, простые и бесхитростные, вроде Дженни, дочери леди Фенимор, чьи непослушные волосы не могли удержать никакие шпильки. А эта особа казалась замкнутой, накрепко запечатанной и сияющей глянцем, точно банка с вареньем.

– Надеюсь, преподобный, вы не сочтете мой поступок неподобающим, поскольку нас должным образом не представили друг другу. Я лишь хотела поблагодарить вас за проповедь. – Взгляд, которым она одарила свою компаньонку-гре-

надершу, явственно говорил: «Ну что, довольна?», словно она произнесла это тоже вслух. – Я графиня Уэррен, а это моя камеристка, Хенриетта Лафонтен.

Графиня Уэррен... имя женщины отозвалось эхом в мозгу Адама. Какое-то смутное воспоминание царапнуло память. Определенно, он что-то слышал о ней. Внешность дамы говорила сама за себя, поэтому его не удивил ни ее титул, ни столичный выговор – чеканные согласные и ленивые, протяжные гласные звуки. Эту разновидность языка Адам называл про себя лондонским ироничным диалектом. Казалось, ничто, ничто в целом мире не способно вызвать у леди Уэррен интерес, поэтому она смотрит на всех равнодушным, насмешливо-снисходительным взглядом.

Однако Адама озадачило, что графиня представила ему свою горничную. Перед словом «камеристка» она сделала едва заметную паузу, словно не могла решить, как же назвать великаншу.

Он учтиво поклонился.

– Рад знакомству с вами, леди Уэррен. Мое имя – преподобный Адам Силвейн. Очень любезно с вашей стороны, что пришли на службу.

Хенриетта почтительно присела в реверансе.

– Ваша проповедь – прямо бальзам на душу, преподобный.

Горничная буравила Адама пронзительным взглядом. Ее маленькие блестящие глазки напоминали черные ягоды смо-

родины, запеченные в сдобном тесте.

– Да, можно сказать, она успокаивает, как колыбельная, – улыбнулся пастор.

Леди Уэррен замерла. На одно краткое мгновение она прищурилась. Большинство не заметило бы этого.

Но Адам заметил.

В следующий миг слабая рассеянная улыбка скользнула по ее лицу, так улыбнулась бы королева крестьянскому ребенку, протянувшему ей маргаритку.

– Еще раз благодарю вас, преподобный, и до свидания. Идем, Хенни.

– До свидания, – вежливо отозвался пастор и, пряча крикую усмешку, отвесил изящный поклон.

Он подозревал, что церковь утратила прелесть новизны в глазах графини. Едва ли капризная дама появится здесь вновь.

Уходя, Хенриетта подмигнула ему.

Глава 2

Ева уселась в карету и хмуро заключила: должно быть, душа ее и вправду так безнадежно черна, что неподвластна ни исцелению, ни духовному обновлению. Во всяком случае, она стойко сопротивлялась проповедям. Заснуть в церкви! Скверное начало жизни в изгнании... то есть новой жизни в Суссексе.

А священник настоящий наглец. Еще и дерзить вздумал, упомянув о колыбельной.

– Вы храпели, – заявила Хенни тоном обвинителя.

– Вот еще глупости, ничего подобного, – вяло возразила Ева.

– Тихонько, и все же храпели, – настояла Хенни и принялась рассуждать об ужине, но Ева слушала вполуха: – Думаю, холодный ростбиф подойдет, а разве вы не просили миссис Уилберфорс купить сыр?

Ева наняла миссис Уилберфорс, чтобы вести хозяйство в доме, но прислугой командовала Хенни, которая давно вышла за рамки полномочий простой служанки. Обладая множеством незаурядных способностей, она выступала в самых разнообразных амплуа, меняя роли столь же часто, как некогда ее хозяйка. Она с равным успехом представляла в образе горничной, экономки, камеристки, советчицы и наставницы, бузотерки и задиры, служила костюмершей в театре «Зеле-

ное яблоко» (где Ева с ней и познакомилась), отпугивала докучливых поклонников, а также бегала в аптеку среди ночи. Ссылку в Пеннироял-Грин она рассматривала как своего рода епитимью. Много лет назад, когда у Хенни не было ни пенса за душой, Ева спасла ее от голодной смерти, взяв к себе костюмершей. Хенриетта последовала бы за хозяйкой на край света. Однако она оставляла за собой право жаловаться и брюзжать.

Внезапно экипаж резко накренился и замер. Пассажирок бросило вперед, так что они едва не столкнулись головами.

Карета покачнулась – кучер слез с козел. Открыв дверцу, Ева выглянула наружу в ту самую минуту, когда возница собирался заглянуть внутрь.

Оба отшатнулись друг от друга.

– Прошу прощения, миледи, но, похоже, с одной из лошадей что-то неладно. Вся упряжка встала – и ни с места. Дайте мне минутку. Вы уж извините, надо разобраться, в чем причина.

«Итак, моя жизнь продолжает рушиться», – горько усмехнулась про себя Ева.

– Конечно. Я бы, пожалуй, вышла ненадолго...

Ей вдруг захотелось глотнуть свежего воздуха. Сменив тесную маленькую церквушку на закрытую карету, она еще острее почувствовала, что ее жизненное пространство съжилось до размеров тюремной камеры.

Кучер помог ей сойти с подножки. Ева ступила на дорогу,

окаймленную ежиком низкой травы и зеленью, еще не побитой морозами.

Глубоко вздохнув, она оглядела окрестности Пеннироял-Грин, где ей предстояло жить в обозримом будущем: мягкие волнистые холмы, расстилавшиеся кругом, словно запачканное одеяло, кряжистые хвойные деревья, дубы, некоторые из которых еще щеголяли листвой, несмотря на приближение зимы. Над крышами редких домиков, разбросанных среди холмов, вился сизый дымок. Сойдя с дороги, Ева привстала на цыпочки, вглядываясь в даль. Далеко на горизонте она различила серую полосу моря.

Выйдя из кареты следом за госпожой, Хенни лениво потянулась, потом шумно перевела дыхание.

Вскоре появился кучер.

– Леди Уэррен, – заговорил он, отвесив короткий поклон. – Боюсь, у нас возникло затруднение. Одна из лошадей потеряла подкову и может охрометь, если мы продолжим поездку.

Ну разумеется. Затруднение, как же иначе. В последнее время вся жизнь Евы складывалась из одних затруднений.

– Мы далеко от Дамаск-Мэнор?

– Добрых двадцать минут езды, не меньше.

Значит, пешком добираться вдвое дольше. Ева могла бы дойти – видит бог, когда-то, целую вечность тому назад, она была деревенской девчонкой, но Хенни... При ее возрасте и комплекции подобное путешествие просто немыслимо.

Оглядевшись вокруг, Хенриетта приняла командование на себя.

– Вижу, вон из той трубы идет дым. – Она указала пальцем на дом неподалеку. – Схожу-ка я за помощью. Может, какой-нибудь фермер одолжит телегу. Я не прочь размять ноги, а то эти церковные скамьи ужас как тесно составлены. Сидишь точно в колодках.

Ева нерешительно пожала плечами.

– Что ж, если ты настаиваешь. Думаю, хуже не будет.

Хенни поплелась прочь. Взобравшись по склону, она перевалила через небольшой холм, спустилась в долину и побрела по узкой протоптанной тропинке к одному из живописных крохотных домиков, над крышей которого курился уютный дымок.

Над безлюдной дорогой повисла тишина. Лишь изредка слышалось, как переступают копытами лошади да тихонько переговариваются кучер с лакеем. Больше здесь не было ни души. Ева снова обвела глазами деревья и вздрогнула.

Из-за ствола дуба выглядывал маленький светловолосый мальчуган. Он смотрел на Еву внимательно, без смущения, с серьезным лицом, как умеют смотреть дети.

Скосив глаза к переносице, Ева состроила устрашающую гримасу. Мальчишки обожают корчить рожицы, да и она любила подобные забавные выходки. Ей нравилось смешить.

Паренек довольно захихикал. Во рту у него не хватало передних зубов, и почему-то эта щербина неожиданно трону-

ла ее. «Должно быть, ему лет семь или восемь, — подумала Ева. — Шеймус в этом возрасте был настоящим дьяволенком в коротких штанишках. Впрочем, длинные брюки нисколько его не исправили».

— Пауки гадкие, а вовсе не красивые, — проговорил малыш.

Ева привыкла иметь дело с мальчишками и знала, что мысли их вечно перескакивают с одного на другое.

— Ну, об этом мне мало что известно. Но, думаю, что пауки-мальчики находят пауков-девочек красивыми.

Это утверждение показалось пареньку забавным. Он так и покотился со смеху, жмуря сияющие глаза.

Ева не удержалась от улыбки.

— А мальчикам-быкам нравятся девочки-коровы? — выдавил он сквозь смех.

— Несомненно.

— А девочки-собаки кажутся красивыми мальчикам-собакам?

Ева притворилась, будто задумалась.

— По всей вероятности, да. Во всяком случае, некоторые собаки-девочки определенно нравятся некоторым собакам-мальчикам.

— А по-моему, все собаки красивые, — признался мальчуган. — Я всяких люблю.

— Я тоже, — серьезно кивнула Ева. Парнишка притих, смущенный и взволнованный, оттого что вдруг встретил союз-

ницу. – У тебя есть собака? – спросила она.

– Да. Гончая. Ее зовут Среда.

– Прекрасное имя для собаки. И чудесный день недели. А почему ее так называли?

– В этот день ее отдал мне наш сосед. И разрешил оставить себе.

– О, это явно был особенный день.

– По-о-о-о-ли! Пол! Где тебя черти носят? – послышался совсем близко сердитый женский голос.

– А, так ты, должно быть, Пол, – догадалась Ева.

– Да, это и впрямь был особенный день, – даже не моргнув, отозвался мальчуган, будто не слышал гневного окрика матери.

Женщина, тяжело пыхтя, вскарабкалась на холм и, увидев сына, облегченно вздохнула.

– Поли! Ты опять сбежал? Что я тебе говорила? Твоя чертова собака гоняется за курами, а бабушка ждет нас к...

Заметив Еву, она умолкла. Женщина замерла на полусогнутых ногах, напряглась, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Потом глаза ее подернулись льдом, губы сжались в тонкую прямую линию.

– Видишь, мама? – весело проговорил Поли. – Она вовсе не похожа на паучиху. Она очень красивая. А пауки мерзкие.

О господи. У Евы прервалось дыхание, кровь бросилась в лицо, грудь пронзило болью. Она застыла, чувствуя, как под ребрами разливается мертвящий холод, а щеки пылают. Ее

вдруг охватила растерянность, смятение. Боже, как глупо...

Это отвратительное, ненавистное прозвище. Но откуда мальчишке оно известно? Разумеется, он слышал его от матери. Значит, мать, в свою очередь, слышала от кого-то другого. А этот другой от кого-то еще. Выходит, и сюда докатилась молва о Черной вдове.

Вот вам и тихое пристанище в Пеннироял-Грин. Славное начало новой жизни, ничего не скажешь.

– Сколько раз говорить тебе, Пол, не смей приставать к незнакомцам! – Женщина обращалась к сыну, однако по-прежнему, не мигая, смотрела на Еву злым неподвижным взглядом.

– Но она очень милая, мама, и любит собак, а еще она сказала, что собаки-мальчики считают собак-девочек кра...

Женщина схватила сына за руку, резко дернула и потащила за собой. Он было заартачился, но неохотно поплелся за матерью, жалобно бормоча что-то невнятное.

– Потому что я твоя мать, и ты будешь делать так, как я скажу, не задавая вопросов, вот почему, – донеслось до ушей Евы. – Просто она не нашего поля ягода, Пол.

Тоже мне, ходячая добродетель! Какое потрясающее самодовольство! Жалкая лицемерка.

Ева стояла, не в силах пошевелиться. Тело налилось тяжестью, окаменело.

Когда-то подобные шпильки легко и весело отскакивали от нее, точно золотые гиней, брошенные на игорный стол.

Долгие годы ничто не могло ее задеть. Ева перекраивала этот мир по своему образцу, он был для нее податливым воском, на котором она оставляла свой оттиск.

Она вдруг почувствовала, что судорожно прижимает ладонь к груди, к изящной застёжке роскошной бархатной накидки – одного из последних подарков графа (он обожал осыпать ее дарами). Пальцы стиснули бархат, будто зажимая рану от стрелы, пробившей грудь.

Ева безвольно уронила руку.

– И не такая уж она красавица, Поли, – слышалось из-за холма.

Ева ожидала услышать нечто подобное, а потому лишь тихонько фыркнула в ответ.

Мгновение спустя она стряхнула с себя унижительное ощущение. Затем дерзко вскинула голову, скорчила рожицу и показала язык вслед удаляющейся паре.

Круто повернувшись на каблуках, она едва не уткнулась лицом в грудь мужчине, взбиравшемуся на холм позади нее.

Глава 3

Ева сдавленно вскрикнула и отпрыгнула, испуганно прижимая ладонь к сердцу.

– Милосердная Мария, Матерь Божья! Где это видано, подкрадываться тайком, точно кошка! Ах ты здоровенный чертов...

Она осеклась.

Сочный ирландский выговор, долго дремавший, но живой и невредимый, вырвался наконец на свободу, улучив момент, когда Еву застигли врасплох. «Здоровенный чертов...» – прокатилось эхо над холмами.

Ох, какой позор.

Еве захотелось зажмуриться и провалиться сквозь землю. Как можно глубже. Вместо этого она заставила себя вздернуть подбородок и посмотреть на путника, оказавшегося не кем иным, как преподобным Адамом Силвейном.

Он выглядел невозмутимым. Если не считать глаз, в которых плясали огоньки озорного, откровенно нехристианского веселья.

Одна из лошадей тихонько заржала, разорвав затянувшуюся тишину.

«Будьте джентльменом, – безмолвно взмолилась Ева. – Оставьте все как есть. Притворитесь, будто ничего не слышали».

Брови преподобного поползли вверх.

– Здорове-е-е-нный чертов... – повторил он, ожидая продолжения.

Ева смерила его уничтожающим взглядом. «Мерзавец», – вертелось у нее на языке. Почему бы и нет? Пропадать – так с музыкой.

Священник выжидающе смотрел на нее. Терпеливый, как Иов. Коварный, как Люцифер.

– Священник, – пробурчала она наконец, не найдя ничего лучше.

Преподобный запрокинул голову, будто прикидывал, не слишком ли хорош ответ, чтобы быть правдой, потом коротко кивнул.

– Пожалуй, так и есть, – задумчиво согласился он, хотя голос его подозрительно дрожал. Похоже, пастор с трудом сдерживал смех. – Я действительно здоровенный... священник. Хотя до сих пор никто не обвинял меня в том, что я подкрадываюсь тайком, словно кошка. Может, одно как-то связано с другим, кто знает.

Пастор насмехался над ней (измывался, как говорил ее брат Шеймус), и весьма успешно.

Ева внимательнее вгляделась в его лицо, в глаза, обезоруживающе синие, цвета глубоких спокойных вод озера Лох-Лейн в Килларни, и ее вдруг охватило какое-то смутное беспокойство. Адам Силвейн казался безмятежным, будто в душе его всегда стояла ясная, солнечная погода. «Вот у кого

наверняка незапятнанная совесть и чистые помыслы», – язвительно усмехнулась про себя Ева. Складки невзрачного черного шерстяного плаща (сшитого явно не Уэстоном, уж это она могла сказать точно) хлопали на ветру у него за спиной. Налетевший порыв едва не выдернул аккуратно завязанный галстук из-под полосатого серого жилета сомнительного происхождения.

Взгляд Евы, будто притянутый какой-то силой, невольно скользнул вниз по длинным, стройным и крепким ногам преподобного Силвейна (и зачем только священнику такие бедра!) к пыльным, потертым носкам его сапог (определенно не от Хоуби¹).

Она уставилась в землю, пытаясь подавить волнение, прогнать нелепые мысли о бедрах пастора.

– Я думала, священники носят платье, – едва ли не сварливо произнесла она. Правда, на этот раз ей удалось справиться с предательским ирландским акцентом.

– О, платье вовсе не обязательно.

Ого! Похоже, преподобный перешел в наступление. Его реплика походила на оскорбление.

– Полагаю, под «платьем» вы подразумевали сутану? – любезным тоном добавил он. – Знаете ли, леди Уэррен, в сутане довольно затруднительно подкрадываться тайком, словно кошка. Она обвивает лодыжки и шумно хлопает при ма-

¹ Джордж Хоуби (1759–1832) – придворный обувщик английского короля Георга III. (Здесь и далее примеч. пер.)

лейшем ветерке. А чтобы настигнуть порок, нужна изрядная ловкость.

Порок? Слово прозвучало как пощечина.

Но... может быть, пастор просто пошутил? Ну конечно. Или нет? Неужели этот человек что-то прознал о ней? Выходит, теперь весь этот городок ополчится против нее? И кончится все тем, что ее бросят в котел с кипящим маслом?

— Так вот почему вы появились так внезапно? Почуяли в воздухе запах порока, преподобный Силвейн? И часто вы бродите по просторам Суссекса, вынюхивая грех, точно свинья в поисках трюфелей?

Пастор так долго молчал, что Ева наконец подняла на него глаза.

Он стоял неподвижно, словно прирос к земле.

При виде его застывшего лица Еве невольно пришло в голову, что дразнить преподобного, возможно, опасно. Странная мысль, ведь речь шла о священнике. Однако тот вовсе не казался рассерженным, хоть и не сводил с нее твердого, немигающего взгляда. Он изучал ее, как взломщик разглядывает замок, прежде чем вскрыть его отмычкой. Неподвижность пастора нарушал лишь легкий ветерок, игравший его волосами. Светлые волнистые пряди, кое-где выгоревшие до серебристой белизны, взлетали и опускались, поблескивая в глубине то темным золотом, то бронзой, то медью. В застывшей тишине это зрелище завораживало взгляд.

— У меня целая орава братьев и сестер, а кузенов и того

больше, леди Уэррен. Если и вы не единственный ребенок в семье, вас не удивит, что у меня на редкость толстая шкура. Меня почти невозможно задеть.

Вот как?

Пастор говорил ровным, будничным тоном, словно урезонивал капризного ребенка. Казалось, он видит Еву насквозь, будто броня, которой она себя окружила, для него не прочнее луковой шелухи.

– Кое-кто расценил бы ваши слова как вызов, преподобный.

Именно так посчитала Ева, и, похоже, ее захватил азарт борьбы.

Силвейн снова замолчал. Потом улыбнулся. Слабо, едва различимо, однако она успела заметить изящную линию его рта и очаровательную ямочку на щеке. Когда он снова заговорил, Ева скорее почувствовала, нежели услышала его голос, словно гибкие теплые пальцы, играя, пробежались по волосам у нее на затылке. Этот голос звучал мягко, вкрадчиво. Но отнюдь не нежно.

– Вот как, леди Уэррен? Так вы приехали в Пеннироял-Грин, желая бросить вызов?

Ева не сводила глаз с лица пастора. Он пристально смотрел на нее.

И тут, к изумлению Евы, ей вдруг стало трудно дышать, в груди поднялась волна жара, шея и плечи запылали, краска залила лицо. «Никогда еще она не встречала мужчины,

который так... хорошо владел бы собой, – неожиданно подумалось ей. – Да, сдержанный, вот верное слово». Внутри него, казалось, бурлила мятежная сила, нуждающаяся в узде. И какова бы ни была ее природа, эта загадочная стихия притягивала Еву, как высохшая земля притягивает влагу. Ева чувствовала, что неведомое «нечто» сильнее ее, но она привыкла яростно бороться за жизнь и до сих пор неизменно одерживала верх.

Она резко отвернулась и сделала глубокий вдох, надеясь, что в голове прояснится, но, должно быть, воздух был напоен винным дурманом, потому что мысли ее спотыкались, как пьяные гуляки в игорном притоне.

Он всего лишь священник, напомнила себе Ева. Мужчина, застигший ее в редкую минуту слабости, когда она оказалась особенно уязвимой. Вот и все. Вдобавок она безумно устала. Разумеется, короткая дремота в церкви не помогла восстановить силы.

Плотнее завернувшись в накидку, Ева посмотрела на неподвижную карету и слегка нахмурила брови. Куда, черт возьми, запропастилась Хенни?

– У одной из наших лошадей слетела подкова, – произнесла она после долгого молчания. Голос ее звучал слабее, чем ей бы того хотелось.

Она дорого дала бы, чтобы узнать, разочарован ли пастор внезапной переменой темы.

Преподобный продолжал ее разглядывать. Еве начинало

казаться, что он уже точно подсчитал, сколько у нее ресниц.

— Так я и подумал, — наконец отозвался он. — Я шел навестить одного из прихожан, когда заметил ваш экипаж на обочине. Разбойников на этой дороге не видывали со времен Одноглазого Уильяма, промышлявшего в здешних окрестностях несколько десятков лет назад, а поскольку Пенниро-ял-Грин — не самое живописное местечко Суссекса, я решил, что случилась неприятность с каретой или с лошадьми.

Одноглазый Уильям? Это шутка?

Ева промолчала.

— Я, пожалуй, переговорю с вашим кучером, если вы не против.

Она не ответила — голос отказывался ей служить, — и пастор отвернулся. Он направился к карете, и звук его шагов заставил Еву необычайно остро ощутить свое поражение.

— Преподобный Силвейн...

Он остановился, оглянулся, вопросительно приподняв брови. Самый верный способ обрести новые силы — пустить в ход чары, которые делают вас сильной.

— Мне следует извиниться перед вами. Боюсь, ваше внезапное появление испугало меня, заставив забыть о вежливости. Вдобавок... я никогда прежде не встречала особ духовного звания. Воображаю, какую важную роль вы играете в жизни города. Должно быть, это захватывающе интересно. Умоляю, расскажите, как люди становятся священниками.

Возможно, Ева лучше всякой любой женщины в Англии

знала, как овладеть бастионом мужчины, будь то глава министерства внутренних дел, сам английский король или угольщик. Лесть, приправленная кокетством и пикантными намеками, вот и весь рецепт.

Она пришла в изумление, когда преподобный Силвейн, не клюнув на наживку, мгновенно насторожился. Это выглядело едва ли не комично.

– Один из лучших способов получить приход, насколько мне известно, – состоять в родстве с владельцем земель, – коротко ответил он с ноткой иронии в голосе.

И ничего к этому не добавил.

– Должен ли пастор обладать безупречным нравом? Быть полностью... безгрешным? – Сложив руки на груди, Ева вскинула на преподобного цепкий взгляд из-под длинных ресниц, как стрелок, намечающий цель.

Пастор посмотрел на ее скромно сплетенные пальцы, словно она сжимала в руке пистолет. Потом медленно поднял глаза к ее лицу.

Повисла долгая пауза.

– Полагаю, это зависит от того, как понимать слово «безгрешный».

Какая изощренная уклончивость! Да он настоящий виртуоз.

Синие глаза его потемнели, стали непроницаемыми, будто на окнах вдруг задернули шторы. Ее же глаза, оттененные густыми черными ресницами, сверкали изумрудным огнем,

благодаря игре солнечного света и острому желанию очаровать этого мужчину.

— А у вас есть грехи, мистер Силвейн? — В голосе Евы явственно угадывалась надежда, что грехи есть, а игривый взгляд подсказывал, что она готова понять их и простить, возможно, даже назвать очаровательными, поскольку ее собственные слабости прелестно дополняют его изъяны.

Теперь пастор казался напряженным, как сжатый для удара кулак. Легкая морщинка обозначилась у него на лбу между бровями.

Увы, судя по выражению его лица, ко всем уловкам Евы он остался равнодушен. Приписать ему хотя бы малейшую заинтересованность не решилось бы и самое пылкое воображение.

— Ни одного, который показался бы вам любопытным, — тихо произнес он, покосившись в сторону дороги, где, по всей видимости, его ждали дела. Как будто... ему вдруг стало скучно.

Вот тебе и на! Ева на мгновение лишилась дара речи.

— Вы могли бы пройти пешком остаток пути по этому лу-гу, леди Уэррен. Здесь вполне безопасно, и одинокой женщине ничто не угрожает. Но вы еще не слишком хорошо знаете местность, и, пожалуй, на первых порах не стоит совершать столь длинные прогулки. Может, вам удобнее будет подождать в карете, там намного теплее?

Ева понимала, когда следует признать поражение. Ее от-

вергли. Ей хотелось колотить кулаками воздух от ярости, но ее удержали гордость и... изумление.

– Заботитесь о безопасности своей паствы? – самым беззаботным тоном проговорила она. От пережитого унижения голос ее звучал чуть приглушенно.

Пастор вежливо улыбнулся.

– Охранять вас меня обязывает долг священника, но также и джентльмена.

«И снова эта холодная учтивая отстраненность», – с досадой подумала Ева.

– Прошу прощения, что испугал вас. Это вышло случайно.

Ева снова с ужасом почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо, обжигая щеки.

– Со мной камеристка, – обронила она, пытаясь изо всех сил скрыть смущение. – И холод меня не пугает.

– Тогда, с вашего позволения, я вас покину. Посмотрю, не могу ли я чем-то помочь вашему кучеру.

Ева не потрудилась ответить, и пастор, отвесив галантный поклон, отвернулся. Стоя неподвижно, будто статуя, она наблюдала, как он здоровается с кучером и лакеем. Те радостно приветствовали его. Все трое негромко посовещались, сблизив головы. Взгляд Евы скользнул по напудренному парикку лакея к всклоченной голове коротышки кучера и задержался на светлой шевелюре священника. Завершив переговоры, мужчины занялись пострадавшей лошадью. Пока

кучер ласково держал ее голову, мистер Силвейн нагнулся, приподнял блестящее копыто и внимательно осмотрел. Затем на глазах у ошеломленной Евы снял с шеи галстук и бережно, едва ли не нежно перевязал копыто под одобрительные возгласы слуг.

Махнув рукой на прощание, он быстро зашагал по дороге, несомненно, продолжая прерванный путь. Уже без галстука.

Ева проводила его взглядом.

Наконец послышалось шумное сопение Хенни, а потом показалась и она сама. Служанка взбиралась по склону. Саржевые юбки, приподнятые на несколько дюймов над землей, открывали толстые лодыжки, благопристойно обтянутые грубыми шерстяными чулками, которые сбились в гармошку от долгой ходьбы.

– Я стучалась в дверь, но никто не ответил, миледи.

Увидев лицо хозяйки, она выпустила юбки и застыла на месте. Глаза ее округлились. Потом подозрительно прищурились.

Покрутив могучей головой, Хенни заметила удаляющуюся темную фигуру и приложила ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь в даль. Адам Силвейн, прямой, как солдат, легким размашистым шагом шел по дороге.

Женщины молча смотрели ему вслед. Смотрели так долго, что со стороны это могло показаться странным.

Он так ни разу и не оглянулся.

– Ну вот он, настоящий мужчина, – проговорила наконец

Хенни, словно продолжая спор о преподобном.

Ева пренебрежительно фыркнула.

– Твои мозги, должно быть, створожились от деревенского воздуха. – Надменно вскинув голову, она направилась к карете.

Хенни, тяжело пыхтя, припустилась за ней.

– Послушайте-ка меня. Вы считаете себя такой умудренной и важной, думаете, что изучили вдоль и поперек все разновидности мужчин, какие только есть в природе. Но если у вас в саду полным-полно цветов, все они начинают пахнуть одинаково, верно? Вы уже не отличите один аромат от другого. А я говорю вам, этот парень лучше остальных.

– Потому что он священник? Ради бога, Хенни, Силвейн... всего лишь мужчина, – утомленно проворчала Ева. Произнести «всего лишь», говоря об Адаме Силвейне, было легче, когда тот не стоял так близко, что она могла различить оттенки в его шевелюре. – Под одеждой все одинаковы. В конце концов это всегда становится очевидно. И не важно, как они выглядят – подобно ангелам или подобно горгульям.

– Я не говорила, что он святой праведник или даже хороший человек. Я сказала, что он лучше остальных, – упорствовала Хенни.

Этот знакомый назидательный тон уверенного превосходства, который обычно звучал в голосе Хенриетты, когда та не находила убедительных доводов в споре, безумно раздражал Еву. Будто мало обид выпало на ее долю в этот день.

Почему-то особенно больно задело ее слово «лучше». Кажалось, у нее самой нет ни малейшей надежды стать лучше. Давным-давно жизнь позаботилась об этом, и запущенный когда-то волчок продолжал крутиться сам собой, все быстрее и быстрее. Однако Ева ни о чем не жалела. Сожаления означали бы, что она могла сделать иной выбор, а ей не приходилось выбирать. Еще недавно она упивалась победой, воображая, будто трезвый расчет вознес ее на вершину успеха, но последующие события разрушили иллюзии, как кий разбивает выложенные треугольником бильярдные шары.

– Тебе следует помнить, Хенни: с возрастом не всегда приходит мудрость.

– Вы вечно говорите что-нибудь в этом роде, когда знаете, что я права. Имейте в виду, этот пастор не для капризных неотесанных девчонок вроде вас.

– Одна капризная неотесанная девчонка слишком долго терпит твое нахальство.

Продолжая добродушно перебраниваться, они дошли до кареты.

Кучер с лакеем как раз закончили перепрягать лошадей. При приближении хозяйки оба встали навытяжку.

– Зачем пастор перевязал лошади копыто? – обратилась Ева к лакею.

– Он настоял, миледи. Сказал, что ему жаль рвать наши ливреи.

– Но... я не понимаю... зачем кому-то рвать ваши ливреи?

– Из предосторожности, миледи. Надо было защитить копыто, пока лошадь не подкуют заново. Подкова слетела, но мерин вроде бы цел. Повезло, что он не охромел. Преподобный умеет обращаться с лошадьми! – с восхищением протянул слуга. – Если мы поедем не спеша, то доберемся до дома, не причинив вреда бедняге. Пастор сказал, что сразу же пришлет к нам кузнеца.

Обычно слуги не докучают графиням подобными докладами, но после смерти мужа Ева осталась единственной хозяйкой в доме, а доходы от имения Монти едва покрывали траты на содержание лошадей, экипажа, кучера и лакея. Мерин, потерявший подкову, стоил немалых денег, вполне естественно, что Еву всерьез беспокоило, не охромеет ли он. Разумеется, для прислуги не составляло секрета положение ее финансов.

Ливреи тоже обходились недешево. Вероятно, пастор об этом знал. Ева невольно смутилась, представив, что значит потеря галстука для провинциального священника. Должно быть, в его бюджете пробита солидная брешь. Она вдруг необычайно остро ощутила резкий контраст между добротой преподобного Силвейна и собственным дерзким бесстыдством.

– Благодарю вас, – мягко сказала она лакею. – Мы поедем медленно, это позволит нам лучше рассмотреть пейзаж и познакомиться с прелестными окрестностями нашего нового дома.

– К вашим услугам, миледи.

Она заставила лакея улыбнуться, что немного развеяло ее дурное настроение. Обычно Еве с легкостью удавалось очаровывать, создавать атмосферу непринужденности, исправлять неловкое положение, а главное – добиваться желаемого. Неудача с пастором привела ее в уныние. В совершенстве владея искусством читать мужские сердца, Ева всегда безошибочно угадывала, чем больше всего гордится мужчина и чего стыдится. Умело превознося достоинства и потакая недостаткам, она обращала любого в податливый воск, из которого можно лепить все что захочется. Покорив мужчину, Ева с ловкостью истинного мастера использовала его сильные и слабые стороны, так опытный возница правит лошадьми, то ослабляя, то натягивая вожжи.

– Ну, даже обладая буйной фантазией, трудно сравнить лорда Аскуита с цветком, – усевшись в карету, фыркнула Ева, продолжая прерванный спор с Хенни, в котором твердо намеревалась оставить за собой последнее слово.

– Да уж, видит бог, это чистая правда, – согласилась служанка, со вздохом откидываясь на пружинную подушку. – Он смердел, как торговая лавка в Севен-Дайлз. Все дело в притираниях от мужской болезни, которые он покупал под покровом ночи в аптеке Макбрайда.

Ева тотчас оживилась. Она отлично знала эту аптеку, поскольку Макбрайд выдавал ссуды под залог и пользовался неплохой репутацией, а актрисам частенько приходится за-

кладывать вещи.

– Откуда тебе это известно?

– Ну, мне только волю дай, я и не такое могу порассказать. В былые дни я тоже была кокоткой, – самодовольно усмехнулась Хенни. – И не из последних. Уж мне есть что вспомнить.

Ева слишком устала, чтобы цепляться к слову «кочетка», вдобавок сказанному с нескрываемой гордостью. Хенни знала свою хозяйку во всех ее ипостасях. И действительно пользовалась бешеным успехом у мужчин.

– Может, тебе стоит попытаться счастья, Хенни. Глядишь, тоже заарканишь какого-нибудь графа, и мы обе сможем спокойно насладиться заслуженным отдыхом.

Служанка с явным удовольствием хлопнула ее по бедру.

– Пожалуй, я так и поступлю.

Ева посмотрела в окно на бесчисленные гряды невысоких холмов, простиравшиеся до самого горизонта, на дымящие трубы домиков, рассыпанных по косогорам. Обитатели этих домов скоро начнут судачить о ней и никогда не примут ее в свой круг, подумала она с грустью. Взгляд ее упал на серебристую полосу моря вдаль, и на мгновение Ева вдруг утратила ощущение реальности. Этот вид за окном мог быть ее прошлым, настоящим или будущим. Она, словно парусник, послушный воле ветров, носилась по волнам времени, нигде не бросая якорь.

Ева неожиданно поймала себя на том, что, вытянув шею,

смотрит в ту сторону, где скрылся Адам Силвейн. Будто он
путеводная звезда, сияющая во мраке ночи.

Глава 4

Очнувшись от задумчивости, Адам с удивлением обнаружил, что стоит перед домом леди Фенимор. Достав из кармана часы, он взглянул на циферблат и убедился, что явился лишь на десять минут позднее обычного. Адам щелкнул крышкой и, нахмурившись, сунул часы в карман жилета. Он едва помнил, как добрался сюда, хотя приходил в этот дом каждую неделю уже без малого год. Казалось, время остановилось: два навязчивых образа целиком заняли его мысли, вытеснив все прочее.

Как всегда, дверь открыла дочь леди Фенимор.

– Как чувствует себя сегодня ваша матушка, Дженни?

Девушка испуганно вздрогнула и отпрянула, изумленно округлив глаза.

Адам вдруг осознал, как резко, раздраженно, сердито прозвучал его голос. Это было совсем на него не похоже. Неудивительно, что Дженни отшатнулась.

Он немедленно извинился, ласково улыбнувшись девушке. Та великодушно простила его, одарив в ответ нежной улыбкой, и проговорила, застенчиво накручивая на палец выбившийся из прически локон:

– Все так же, преподобный, но после беседы с вами ей всегда становится намного лучше. Вы можете сразу подняться наверх, если вам угодно. Я как раз поставила на огонь чай-

ник. Думаю, он вот-вот закипит. Наверное, вам захочется выпить чаю после долгой прогулки.

– Вы всегда так внимательны и заботливы, Дженни. Я охотно выпил бы чаю. Хотя путь к вашему дому вовсе не кажется мне долгим, это одна из любимейших моих прогулок.

Щеки Дженни порозовели, краска залила шею и ключицы. Теребя непокорную белокурую прядь, девушка упорхнула на кухню, воодушевленная улыбкой Адама, его любезными словами и своими потаенными грезами. В мечтах она подавала ему чай, нежно растирала широкие плечи и подкладывала под голову мягкие подушки, вышитые собственными руками, чтобы пастору сладко дремалось.

Она несколько не сомневалась, что проповедь «О любви к ближнему» предназначалась ей одной.

Адам проводил Дженни взглядом. Ее мягкость, простота и наивное стремление угодить ему сгладили неприятное ощущение, возникшее после короткой встречи с графиней. Когда Дженни скрылась за дверью, Адам прошел через холл, мимо зеркала в золоченой раме, висевшего над небольшим столиком, который, казалось, сгибался под тяжестью огромной китайской вазы, полной роз. Леди Фенимор держала оранжерею, хотя подчас возникало ощущение, будто сама оранжерея господствует в доме, куда почтенная леди допущена из милости – все комнаты утопали в цветах, их дурманящий аромат носился повсюду.

Адам собирался уже подняться по знакомой мраморной

лестнице, как вдруг замер.

Неслышно повернувшись, словно грабитель, проникший в дом под покровом ночи, он вернулся к зеркалу.

Собственное отражение поразило его угрюмостью: мрачный, рассеянный взгляд, плотно сжатые губы. Глаза сверкали каким-то свирепым огнем, выражая чувство, похожее на гнев, но иное, хотя столь же опасное.

Понятно, отчего Дженни в испуге попятилась.

Следовало прогнать с лица это выражение, прежде чем проницательная леди Фенимор заметит его и поймет, что здесь замешана женщина.

Женщина странная, непостижимая, отталкивающая.

Сначала она уснула в церкви, потом завопила визгливым голосом ирландки из низов (что, грешным делом, изрядно позабавило Адама), потом вдруг сделалась колючей, враждебной и, наконец, начала отчаянно кокетничать – пустила в ход все свои опасные уловки, ослепила фейерверком, бросилась в яростную атаку, словно солдат, осыпающий неприятеля градом камней из катапульты.

Но сквозь всю эту кричащую мишуру отчетливо проступали два образа. Они неотступно преследовали Адама весь путь до дома леди Фенимор.

Мгновение, когда он впервые увидел графиню на дороге. Она стояла неподвижно, прижимая ладонь к груди, два алых пятна горели на щеках. Потом она расправила плечи и выпрямилась, будто борец, оправившийся от удара.

Похоже, Мэгги Лэнгфорд сказала ей что-то обидное. И еще ее веснушки.

Адам заметил их, когда они с леди Уэррен смотрели друг на друга. Едва заметные крапинки на ее щеках, чуть темнее высохших слез. Эти крошечные светлые пятнышки и зеленые глаза неожиданно пробудили в нем воспоминания о птичьих яйцах и летних солнечных днях. А в следующий миг Адам вдруг задумался, каково это – коснуться ладонью ее шелковистой щеки, нежно погладить пальцами бледные веснушки (наверняка, как все женщины, она считает их истинным проклятием) и одним медленным движением стереть обиду, от которой пылало ее лицо.

Никогда в жизни ему не приходили в голову подобные мысли. До встречи с этой женщиной, которая с самого начала вызвала у него неприязнь.

Он сделал глубокий вдох, выдохнул и повернулся спиной к зеркалу.

Леди Фенимор, одетая в неглиже и накрытая целой горой одеял, полулежала на подушках. Из-под огромного чепца, отделанного пышными оборками, виднелись тонкие, как паутина, седые волосы. Высохшие руки, покрытые сеточкой жилок, словно кружевные перчатки, лежали на стеганом покрывале. Солнечный свет широким потоком вливался в огромные окна, и Адам мог различить каждую морщинку на истончившейся, будто бумажной, старческой коже.

– А, вот и вы наконец, преподобный. Не представляю, что вас могло задержать. Входите и садитесь, беседа с вами скрасит последние мои минуты на этой земле. Возможно, вам следует записать мои мысли для потомков. Нынче утром меня посетили кое-какие любопытные озарения, но будь я проклята, если помню хотя бы одно. Видит бог, никто больше в наши дни уже не способен высказать суждение, которое стоило бы запомнить. Хотя ваш предшественник раз или два блеснул остротой ума. Я с нетерпением жду того же от вас.

В глазах почтенной леди вспыхнул воинственный огонек.

– Быть может, когда-нибудь и меня осенит божественное откровение, но этим я всецело буду обязан вашему благотворному влиянию, леди Фенимор.

Адам и пожилая дама получали истинное удовольствие от беседы, чувствуя себя легко и свободно в обществе друг друга.

Взаимная симпатия возникла не сразу. Поначалу леди Фенимор показалась молодому священнику твердым орешком, об который он едва не обломал все зубы. Он видел в ней пресловутую злобную летучую мышь, накинувшуюся на него из темноты туннеля.

Леди Фенимор улыбнулась. Потом искоса, с подозрением взглянула на Адама.

– Молодой человек, у вас потерянный вид, – вынесла она свой вердикт.

– Я очарован вашим обаянием, вот и все.

Дама насмешливо фыркнула.

– Уверена, я вижу у вас на лице морщину. У левого глаза.

Это небольшое замечание прекрасно объясняло, почему леди Фенимор внушала ужас женскому батальону миссис Снит и отчего именно Адам чаще других навещал ее.

– У вас на удивление острое зрение для умирающей, – сухо обронил он.

– А жаль, верно? Я хотела бы перед встречей с Создателем израсходовать все пять чувств, доступных человеку, хотя некоторые из них пока что служат мне исправно. А вам не следует так много думать. Лучше проводите время в молитвах, чем в раздумьях. Меньше будет морщин. Я постоянно о чем-то думала, и поглядите на меня теперь.

– Пожалуй, я помолюсь, чтобы Отец Небесный не спешил посылать мне новые морщины, раз вы ведете им счет.

Леди Фенимор рассмеялась, но смех перешел в кашель. Когда приступ прошел, она бессильно откинулась на подушки, смежив веки. Адам молча ждал.

Наконец леди Фенимор со вздохом открыла глаза.

– Я раздаю вещи, готовлюсь к... назовем это, пожалуй, моим маленьким путешествием, почему бы и нет? Преподобный Силвейн, будьте так любезны, откройте вон ту шкатулку на столе. – Она подбородком указала на небольшую резную шкатулку с откидной крышкой, стоявшую на столике рядом с кроватью.

Протянув руку, Адам взял шкатулку и открыл крышку.

Внутри лежал небольшой золотой крест на цепочке. Пастор достал его, тонкая цепь, гладкая и прохладная, скользнула в его ладонь.

– Этот крестик со мною с юности. Мне подарил его дядя со словами, что он принесет удачу и защитит от зла. Я носила его долгие годы, пока шея не стала слишком толстой. Дженни хотела, чтобы он достался ей, но она и без того унаследует много всего, когда меня не станет, и я сказала ей, что собираюсь отдать его вам. Наверное, вы единственный человек, кому она согласилась бы его уступить. Вещица не дорогая, не подумайте, но я хочу, чтобы она осталась у вас, преподобный. Сдается мне, вам еще встретится немало душ, нуждающихся в защите. Отдайте этот крестик кому-нибудь из них.

Адам замер в неподвижности, не смея поднять глаз. Он вдруг необычайно остро осознал, что скоро ему уже не придется приходить в этот дом.

В его жизни временами выпадали минуты, подобные этой. Неожиданно случайное слово или поступок одного из прихожан глубоко трогали Адама. Он знал, что эти мгновения что-то неуловимо переиначивают в нем, как морские волны меняют очертания континентов. Он становится лучше, добрее, человечнее, мудрее... но вместе с пониманием подчас приходит боль.

Откашлявшись, он поднял голову.

– Благодарю вас, леди Фенимор. Я буду бережно хра-

нить ваш дар и, надеюсь, сумею достойно им распорядиться. Жаль, что я не знал вас раньше.

– О, преподобный, если вам и теперь доставляет удовольствие мое общество... А сейчас закройте, пожалуйста, дверь, я собираюсь вам кое в чем исповедаться. И я не хочу, чтобы меня слышала Дженни или кто-то еще.

О! Адам невольно задумался, сколько еще неожиданно-стей его подстерегает. Поднявшись, он закрыл дверь и вернулся к стулу.

– Возможно, вас это удивит, молодой человек, но в былые дни я была хороша собой.

– Не сомневаюсь. У вас удивительные глаза.

– Такой молодой человек, как вы, флиртует со старухой вроде меня, – весело фыркнула леди Фенимор. – Постыдились бы! А еще духовное лицо.

– Да, вы правы, я слаб, приношу покаяние в грехах своих.

Почтенная дама не удержалась от смеха и снова зашлась в приступе кашля, а после, отдышавшись, потянулась за платком. Адам терпеливо ждал. Она прочистила горло.

– Какая жалость, что в конце концов вы женитесь на одной из этих деревенских куриц и обзаведетесь выводком красивых, но скучных детишек.

– Подумайте, леди Фенимор, возможно, вы оказываете плохую услугу молодым девицам Пеннироял-Грин.

– Но так и случится, если только не вмешается случай. Как в истории с той девчонкой Редмонд.

– Теперь мисс Вайолет Редмонд замужем за графом. – Адаму не было нужды спрашивать, о какой девчонке Редмонд идет речь. Все в городке знали, что однажды Вайолет, поссорившись с поклонником, угрожала броситься в колодец и едва не выполнила свою угрозу – пришлось оттащить ее от края.

«Возможно, все графини отличаются вздорным характером», – пришло в голову Адаму.

– Но ведь он не настоящий граф, а какой-то полудикарь, верно? Одним словом, американец, – презрительно скривилась пожилая леди.

– Графу Ардмею даровал титул сам король.

– Король... – пренебрежительно фыркнула леди Фенимор, будто происхождение короля тоже представлялось ей сомнительным. – Но, как я уже сказала, преподобный, только брак и супружеское ложе способны открыть глаза мокрой курице, превратив ее в женщину. – Адама не смутило, что разговор с прихожанкой вдруг свернул на столь щекотливую тему, как брачный альков, – история его жизни в целом, да и события этого дня научили его ничему не удивляться. – Да, все они курицы. Скучные и пугливые. А я иногда люблю бросить вызов судьбе! Однако всякой благовоспитанной молодой женщине полагается быть курицей, и долг ее матери – позаботиться об этом, – добавила леди Фенимор тоном, не терпящим возражений. – Моя Дженни тоже курица.

Адам подумал о Дженни, мягкой и уступчивой, но тот-

час его мысли обратились к другой женщине – воспоминание кольнуло пастора, словно заноза. Он вновь услышал резкий ирландский выговор графини Уэррен и ее протяжный вопль: «Ах ты, проклятый здоровенный...» Уж эта особа определенно не была курицей. Хотя Адам представления не имел, кто ее воспитывал. И как ее, собственно, следовало бы называть.

– А теперь я кое-что скажу вам, молодой человек. Это слишком давно терзает меня, а мне недолго осталось жить, сами знаете.

– Только с ваших слов, – беззаботным тоном отозвался Адам.

Пальцы старой женщины скользнули по покрывалу и нашли руку пастора. Он сжал ее сухую, почти бесплотную ладонь, в которой, казалось, остались лишь кости, обтянутые ветхим шелком. Однако в этой руке еще сохранилась сила.

– Хочу, чтобы вы знали: я исправно посещала все службы, пока не стала немощной. Я читала Святое Писание и всегда старалась следовать заповедям Господним. Я была хорошей женой и очень любила мужа. Но... отец Дженни – не лорд Фенимор. Будучи замужем, я любила и другого мужчину.

Адам понадеялся, что пожилая леди не почувствовала, как окаменела его рука.

Неожиданное признание потрясло пастора. Подобный поступок не назовешь мелким прегрешением.

Услышанное совершенно не укладывалось в его представ-

ления о леди Фенимор. Он быстро справился с первым бессознательным порывом возмущения и подавил в себе осуждение – они оба знали, что старая дама поступила дурно. Адам понимал, что признание далось ей нелегко. Теперь ему хотелось знать лишь одно: чего она ожидала от него.

И снова, в который раз, ему пришлось брести в темноте на ощупь.

Однако Адаму понадобилась короткая пауза, чтобы побороть замешательство и вновь обрести равновесие.

– Вы сожалеете об этом? – осторожно начал он.

– Боже упаси, нет. Нисколько не жалею, – с явным удовольствием заявила леди Фенимор. – В том-то и беда.

– Но вы просите отпущения греха.

Она тяжело вздохнула.

– Хотелось бы мне иметь смелость сказать: «Нет, меня не заботит, согрешила ли я» и рискнуть предстать перед судом Всевышнего. Но я вот-вот встречу с Творцом, и раз уж Он посчитал нужным назначить вас моим духовным отцом, шепните мне, как... получить местечко на небесах. Я вовсе не горю желанием вступать в пререкания со Святым Петром у небесных врат или столкнуться с каким-нибудь еще неприятным сюрпризом. В ад мне никак нельзя. У меня нет подходящего гардероба.

– Вы были замужем за лордом Фенимором, когда встретили отца Дженни?

– Да. – Если леди Фенимор искала название для своего

греха, то имя ему было – «прелюбодеяние», впрочем, это понимали они оба. – Возможно, вам это неизвестно, преподобный, но любовь – истинная любовь, та, что поражает вас внезапно, как молния, – мало похожа на братскую христианскую любовь, о которой упоминается в Первом Послании Павла к коринфянам. «Любовь долготерпит... не бесчинствует, не ищет своего... не мыслит зла» – все это ерунда. О подлинной, земной любви говорится в «Песни Песней» царя Соломона. Любовь – это мучительная ревность, бушующий огонь и бурлящий поток. Это неукротимая стихия, несущая разрушение. Сомневаюсь, что даже вы смогли бы сопротивляться ей, если бы вдруг она настигла вас, неважно где и когда. Не уверена, что пожелала бы вам пережить такое. Любовь... это прекрасное страдание. Законы Божии и человеческие говорят нам, как жить, но Господь создал нас существами из плоти и крови, верно? И ваша красивая плоть, мой дорогой мальчик, похоже, настоящее испытание для священника. Сдерживайте свои порывы и желания, Бог вам в помощь. Пока не появилось настоящее искушение.

Адам почувствовал, как горячая волна заливает шею. «Только бы не покраснеть, – мысленно взмолился он. – Ле-ди Фенимор наверняка заметит, что он смутился, словно школьник, и повеселится всласть». Он не собирался говорить ей: «Ради всего святого, я отнюдь не девственник». Хотя это было истинной правдой. Тем более он не мог сказать женщине, которая минуту назад призналась, что, пре-

давшись страсти, забыла о супружеском долге: «Уж я смогу обуздать свои порывы и желания, когда женюсь, не сомневаюсь».

Он так давно... не наслаждался женским телом, самозабвенно, всецело отдаваясь чувству. Приход завладел им полностью, оставив лишь чистый дух и разум. Адам проводил за работой все дни, и, казалось, стоило ему коснуться головой подушки, как уже наступал рассвет. В последнее время желание лишь изредка охватывало его, налетая внезапным вихрем, пронзая сладкой дрожью. Изгиб бедра идущей впереди женщины или легкий женский смех вдруг напоминали ему об одной страстной вдовушке из Оксфорда, чьи губы творили нечто невообразимое. Упоительно греховное.

И снова мысли Адама вернулись к случайной встрече, острой занозой засевшей в его памяти. Веснушки. Зеленые глаза. Нежные пухлые губы.

Он тотчас одернул себя, понимая, что подобные фантазии – непозволительная слабость.

Прекрасное страдание. Действительно.

– Рано или поздно каждому из нас приходится столкнуться с искушением, – осторожно произнес он, решившись наконец заговорить.

Леди Фенимор задержала внимательный взгляд на лице Адама и улыбнулась, будто распознала его искусную увертку.

– Простите, если невольно задела ваши чувства, преподобный. Признание немного смягчило сознание вины, кото-

рое не дает мне покоя. Как вы думаете, Господь простит меня? Я не могу раскаяться в своем грехе. Мне остается только надеяться, что страсть внушает нам Всевышний, ведь это Он дал нам тело, чтобы выразить ее, и сердце, чтобы хранить это чувство. Господь послал мне дочь в память о пережитой страсти, а дети – благословение Божье. Мой муж так ни о чем и не узнал, он любил Дженни.

Леди Фенимор с надеждой посмотрела на пастора.

Адаму часто приходило в голову, что священники, в сущности, – стряпчие Господни на земле. Толкуя законы, они исследуют мельчайшие нюансы и просеивают слово Божье сквозь сито насущных забот в поисках истины.

Иными словами, пытаются угадать ответ.

И снова у Адама возникло чувство, будто он бредет на ощупь впотьмах. Он мог рассуждать о любви Господней и братской любви, но любовь, которую описывала леди Фенимор... Внезапно у него мелькнула мысль: ему вечно не хватало времени, чтобы обдумать, что значит любовь для него. Женщины в городке считали любовью уютный дом, вышитые салфетки и варенье. Адам вспомнил своего кузена Колина, быть может, самого отъявленного прожигателя жизни во всей Англии, который однажды сорвался со шпалеры, пытаясь вскарабкаться на балкон некой замужней графини. Однако, встретив свою будущую жену, тот изменился до неузнаваемости – достаточно услышать, как он произносит имя Мэдлин, чтобы понять, сколь сильно и глубоко его

чувство. Или взять, к примеру, кузину Оливию Эверси...

Говорили, будто Оливия разбила сердце Лайону Редмонду, но что бы ни произошло между ними, Адам подозревал, что их чувство напоминало взбесившееся стихийное бедствие – ураган или потоп.

Пожалуй, пример Оливии – один из самых ярких.

Конечно, любовь, о которой говорила леди Фенимор, страсть, что целиком подчиняет себе и превращает в покорного раба, встречается нечасто. Но это не значит, что следует ее отрицать. К чему бы она ни вела.

Адам никогда не знал любви подобного рода.

Его неожиданно кольнула зависть – один из смертных грехов. Неотвязные мысли о красивой женщине с зелеными глазами ввели пастора в этот грех. Ему вдруг снова захотелось испытать чувства.

– Вы, безусловно, согрешили, леди Фенимор, – мягко произнес он. – Думаю, вам следует раскаяться в грехе, но не в любви.

Он надеялся, что почтенная дама не сочтет его слова опасной ересью.

Леди Фенимор моргнула и, склонив голову набок, испытующе посмотрела на него. Адам не солгал, назвав ее глаза удивительными. Огромные, небесно-голубые, они сверкали живым огнем на увядшем худом лице. Он представил ее молодой прекрасной женщиной в объятиях любовника, во власти страсти, оказавшейся сильнее всего, во что она верила.

– Что ж, даже если это не самое разумное решение, мистер Силвейн, – медленно, почти неохотно проговорила она, полуприкрыв глаза, – я так и поступлю. – В ее голосе звучали довольные нотки, словно пастор только что указал ей другую дорогу до Лондона – более широкую и не так изрезанную колеями, на которой в придорожных трактирах подают более свежее мясо. Пожилая леди удовлетворенно откинулась на подушки.

Адам поборол искушение облегченно вытереть пот со лба.

– Не хотите ли помолиться вместе?

– Буду вам признательна. Мне нравится звук вашего голоса, – сонно обронила леди Фенимор, как будто не признавала за пастором других достоинств. – Прочтите что-нибудь из требника. На ваш выбор.

подавив улыбку, Адам взял в руки книгу и принялся перелистывать потрепанные по краям, хорошо знакомые страницы, размышляя о том, как разительно непохожи друг на друга все, кого он знал.

Ева родилась в доме с земляным полом, где топили торфом, а коровы тыкались мордами в окна, где братья и сестры шумной ватагой врывались в комнату и валились в кучу на кровать, словно котята, но деревню она покинула еще ребенком.

Матерь Божья! Она и забыла, какая тишина бывает за городом.

Усадьба называлась Дамаск-Мэнор. От деревенского дома она отличалась лишь двумя или тремя лишними комнатами (всего их было десять) да надворными строениями, и все же это место таило в себе необъяснимое очарование. К дому вела узкая тенистая аллея, из трех стрельчатых окон открывался вид на Пеннироял-Грин. Сложенный из песчаника дом сиял в лучах полуденного солнца, хозяйские комнаты, выходявшие окнами на юг, купались в потоках света. Из просторного холла, выложенного черно-белым мрамором, наверх вела широкая лестница. Небольшой сад выглядел тщательно ухоженным (что навело Еву на мысли о садовнике, еще одном работнике, которому нужно платить). В июне дом будет утопать в розах, подумалось ей. К саду примыкал небольшой клочок земли, пригодной для посадок. Казалось, полмира отделяет усадьбу от Гросвенор-сквер, Сент-Джеймс-сквер и всех владений покойного графа – неотчуждаемой собственности, перешедшей в руки его наследника Персиваля, вздорного, вечно недовольного молодого человека со скошенным подбородком.

Но Дамаск-Мэнор достался Еве, потому что граф выиграл его в карты. Как и ее саму.

Это можно было назвать это роком или капризом судьбы.

В первую минуту Еве показалось, что дом слишком велик для нее, хмурой, как туча, Хенни да горсточки прислуги, содержать которую едва хватало средств. Стоит закричать, подумалось ей, и эхо ее голоса разнесется по комнатам, как

утром на дороге, когда она завопила на пастора, словно торговка рыбой.

При воспоминании о той встрече Ева хлопнула себя ладонями по щекам. Какой стыд. Лишь немногие знали о ее прошлом. Ей следовало пораньше лечь спать и надеяться, что во сне жалкие обрывки ее спокойствия и самообладания чудесным образом срастутся вновь в единое целое.

Пока Ева была в церкви, служанка, выполнявшая работу по дому, сходила за почтой в городскую лавку, принадлежавшую мистеру Постлуэйту. Предоставив Хенни проследить за приготовлением обеда, графиня начала просматривать письма. Не пришло ни приглашений, ни цветов, ни подарков. Ей следовало бы привыкнуть к мысли, что отныне так будет всегда, но щедрыми подношениями и иными знаками внимания ее осыпали более десяти лет, подобные вещи не изглаживаются из памяти за одну ночь.

Первым она поспешила вскрыть письмо от брата Шеймуса. Небрежный разухабистый почерк с острыми косыми буквами и жирными петлями выдавал отчаянность и бесшабашность. Что ж, раз он сподобился послать весточку сестре, значит, по крайней мере, у него нашлись деньги на марку. Ева сломала сургучную печать с надеждой и страхом: как правило, Шеймус находил себе сомнительные заработки, зачастую ввязываясь в преступные авантюры. Благодаря дьявольскому обаянию и красоте ему легко удавалось отыскать работу. Однако ненасытная жажда новых впечатлений и пе-

ремен, а также любовь к женщинам мешали ему удержаться на одном месте надолго.

«Ты удивишься, моя дорогая сестрица, но я нашел работу! Сама понимаешь, теперь мне нужна новая одежда и жилье, чтобы не лишиться места, а у меня нет ни пенса. Уверен, ты подкинешь мне денег, ведь ты же не хочешь, чтобы я поселился у тебя на веки вечные. Хотя мы здорово повеселились бы! Ха-ха!

Обещаю, что когда-нибудь все тебе верну. ДАЮ СЛОВО. С любовью (ты знаешь, что я в самом деле тебя люблю), *Шеймус*».

Ева знала, что брат вправду ее любит, будь он трижды неладен, бесстыжие его глаза. Разумеется, она решила послать ему денег, потому что тоже любила Шеймуса и устала пичкать его наставлениями. Вдобавок, видит бог, ей вовсе не улыбалось, чтобы этот шалопай обосновался у нее, хоть она и скучала по нему.

Она взяла в руки письмо из Килларни, от сестры Кору. Ева развернула листок, и что-то скользнуло ей в ладонь. Золотисто-рыжий локон, шелковистый и нежный, как паутина, срезанный с головки младшего, шестого ребенка.

На мгновение у Евы перехватило дыхание. Ее охватила тоска по близким, по несбывшимся мечтам, по жизни, которой она не знала. Все могло сложиться иначе. Когда-то она

была полна надежд, но довольно скоро все они развеялись как дым.

Прерывисто вздохнув, Ева начала читать.

«Ее зовут Ифа. Она прелесть какая хорошенькая, только страдает от колик. В последнее время Тимоти стал раздражительнее, чем обычно. Мы все ходим вокруг него на цыпочках. Остальные детки здоровы и шлют тебе привет».

Сжато, коротко, но с любовью. Ева будто вновь услышала голос сестры. Чудо, что Кора, мать шестерых детей, вообще выкроила время на письмо.

Умница, она назвала младшую дочь в честь сестры. На самом деле Ева носила ирландское имя Ифа. Но ни один английский антрепренер не согласился бы писать его на афише, и ей пришлось из Ифы стать Евой. Кора никогда не просила у нее денег, но Ева, разумеется, посылала их сестре. «Надо бы выбрать подарок для новорожденной, – подумала она. – Быть может, игрушку». Конечно, остальные пятеро детей немедленно набросятся на нее и, возможно, испортят, или мальчишки разломают, чтобы приспособить обломки для чего-то другого. Эта вечная война между детьми воспитывает способность выживать и учит гибкости. Старшая в семье, Ева выросла сильной. Впрочем, судьба не оставила ей выбора.

«По крайней мере, Тимоти, муж Кору, пил меньше, чем

ее отец. Тимоти, в отличие от отца, не сбежал от семьи, бросив детей, хотя, возможно, еще пара младенцев – и Кора тоже останется без мужа», – с грустью признала Ева. Короткие послания сестры она легко читала между строк.

«Стал раздражительнее». Ева скрестила пальцы, подавив невольный страх. Младенец с коликами кого угодно выведет из терпения. Оставалось лишь надеяться, что растущее недовольство не заставит Тимоти сбежать.

Третье письмо она оставила напоследок, поскольку сомневалась, что ей захочется его вскрыть. Она узнала с нажимом выписанные буквы – твердую, уверенную скоропись, в которой сквозила заносчивость, – и глубокий оттиск печати на сургуче, оставленный порывистым движением сильной руки.

Эта печать могла бы принадлежать ей, если бы однажды ночью карты легли по-другому.

После недолгого колебания Ева сломала сургуч, открыв ящик Пандоры, принявший вид послания из Лондона. При виде знакомого почерка в ее памяти тотчас ожили яркие образы прошлого: звон бокалов с шампанским; переливы шелка, сверкание драгоценностей в зыбком свете люстр; легкие, игривые разговоры, полные тайных намеков; веселый смех, мужские взгляды, затуманенные желанием. Взгляды, устремленные на нее.

Ева набрала в грудь побольше воздуха.

«Моя милая Ева Зеленые Глаза!

Лондон невыносимо тосклив без Вас. Даже целебный эликсир злословия не может развеять мое уныние. Возможно, потому что сплетни и вполовину не так интересны, когда в центре их не Вы, дорогая. Надеюсь, Вы простите мне эти слова. Помнится, последняя волна слухов вокруг Вашей персоны отнюдь не показалась Вам забавной. Я умираю от скуки и жажду услышать Ваш смех. Вдобавок я так мало дорожу мнением света, что не стал бы Вас отговаривать, приди Вам в голову мысль вернуться в Лондон. Если не возражаете, я навестил бы Вас в Суссексе через две недели. (Подумать только, Вы – и вдруг в деревенской глуши! Поверить не могу!) Пришлите мне весточку – сообщите о своем решении. Я по-прежнему люблю ягнятину и все остальное, что мы столь подробно обсуждали при знакомстве. Лелею тайную надежду, что когда-нибудь Вы сделаете меня счастливейшим мужчиной на земле, одарив этими милостями.

Искренне Ваш, *Фредерик, лорд Лайл*».

О, эти игривые строки мог написать только Фредерик, неизменно элегантный, ироничный и насмешливый, преисполненный сознанием собственной значимости. Какое-то неясное чувство заставило Еву на мгновение замереть, возможно, надежда или промелькнувшее воспоминание. А может, просто голод? Разве Хенни не пора было звонить к обеду? Разумеется, приятно знать, что о тебе помнят и ты по-

прежнему желанна. Что тебя добивается баснословно богатый виконт, который наверняка обедает с самим королем.

Так-то вот, преподобный Силвейн. Что вы на это скажете?

Впрочем, возможно, неприступный Адам Силвейн, красавчик с синими глазами и высокими скулами, даже бровью не повел бы, ведь он казался неуязвимым. Самое совершенное оружие из ее арсенала оказалось против него бессильно. Колкости, кокетство, долгий неподвижный взгляд (испытанный прием, который всегда действовал безотказно) – все ухищрения оставили его равнодушным. Ева вспомнила, как пастор, не задумываясь, снял с себя галстук, чтобы перевязать копыто лошади, и устыдилась своих глупых мелочных мыслей. Да, она вела себя не лучшим образом. Но оставалась еще надежда все изменить.

Вот если бы она могла изменить его.

Холодная отстраненность и спокойная уверенность пастора, пронзительный взгляд синих глаз, будто видевших ее насквозь, вызывали у Евы отчаянное желание пробить этот панцирь бесстрастности. Она и сама не знала зачем. Возможно, ей хотелось доказать, что она на такое способна? Доказать, что она может взять верх над тем, кто лучше ее, как изволила выразиться Хенни, над тем, кто без малейшего усилия, почти ничего не сделав, сумел привести ее в смятение? Или, скорее, она желала вывести, отчего преподобный Силвейн так замкнут и сдержан. Ева чувствовала: стоит раскрыть эту тайну, и пастор утратит необъяснимую власть над

ней, так трюк фокусника теряет все свое магическое очарование, когда знаешь, в чем секрет. Она не могла припомнить, чтобы в прошлом какому-нибудь мужчине оказалось под силу обезоружить ее, обронив лишь несколько слов.

Много лет назад Ева поклялась, что никогда не окажется во власти мужчины. Она всегда безошибочно угадывала, кому оказать милость, а кого бросить, предпочитая делать выбор сама.

Печальная история ее матери показывала, что бывает, когда женщина доверяется мужчине.

Ева рассеянно повертела в пальцах письмо Фредерика. Наверное, ей следовало написать виконту, что она зареклась связываться с мужчинами, что отныне ни один из них не сможет пробудить в ней желание. Она больше не будет для них приятным развлечением, игрушкой.

Однако она слишком хорошо знала Фредерика: препятствие лишь разожгло бы его пыл, и он помчался бы в Суссекс быстрее ветра.

Тогда, по крайней мере, ей не было бы так одиноко.

Ева отложила письмо, решив, что, возможно, ответит позднее. Ей не хотелось думать о Лондоне, но острые, как бритва, воспоминания полоснули по сердцу. Едва она оправилась после потери мужа, как бывшие друзья набросились на нее с безжалостной злобной радостью, точно стая стервятников.

И снова вокруг нее сомкнулась тишина. Задумчиво посту-

кивая кончиком пера по подбородку, Ева посмотрела в окно, но не заметила ничего примечательного. Все те же волнистые холмы Суссекса, поросшие мелким кустарником да редкими зелеными деревьями. Волшебный, полный чудес мир для какого-нибудь мальчишки вроде Поли, который вырос здесь и знал как свои пять пальцев каждую травинку, каждый листок.

Но разве не за этим она приехала сюда? Наконец-то у нее появилась возможность творить собственную историю. Начать все с чистого листа. Решить, чего она хочет на самом деле, вместо того чтобы жить в плену необходимости, подчиняясь жестоким законам борьбы за выживание. Однако... черт побери, как бы не умереть от скуки в этой глуши.

Ева не собиралась томиться и чахнуть, словно королева Шотландии² в изгнании (тем более что бедняжка плохо кончила). Сколько можно бесцельно шататься, будто запущенный волчок, готовый завалиться набок. Сделанного не веротишь. До Пеннироял-Грин, похоже, уже докатились слухи о ней. Во всяком случае, кое-кто что-то о ней слышал, а значит, довольно скоро весь городок будет судачить о новой владелице Дамаск-Мэнор. Так что сохранить инкогнито ей не удастся.

«Впрочем, возможно, это и к лучшему», – заключила Ева. Потому что теперь она вольна делать то, что всегда удавалось ей лучше всего (по крайней мере, когда она выступа-

² Мария I Стюарт (1542–1587), низложена в 1567 г., впоследствии казнена.

ла на сцене «Зеленого яблока» и «Ковент-Гарден» или когда ловила в свои сети мужчину, на которого пал ее выбор), – очаровывать и покорять.

«В этом деле нужен союзник, – подумала она. – Связующее звено между нею и женщинами городка. Быть может, подойдет тот, кто привлекает восторженное внимание женской половины Пеннироял-Грин каждое воскресенье на утренней службе. Тот, кого долг священника обязывает проявлять сострадание и терпимость к прихожанкам, даже если те встречают его бранью и вопят дурным голосом с давно забытым ирландским выговором».

Иными словами тот, кто не так давно лишился галстука.

Помедлив всего мгновение, Ева потянулась за листом писчей бумаги. Нужно дать ему почувствовать себя победителем.

Обмакнув перо в чернила, она приступила к исполнению своего замысла.

Глава 5

– О, преподобный, вы вернулись от леди Фенимор. – Миссис Далримпл, экономка, нерешительно застыла в дверях. Ее длинное лицо вытянулось еще больше обычного, губы дрожали, а большие глаза смотрели печально и виновато. Адам уловил в ее голосе предостережение. – К вам... посетительница... Она ждет в гостиной.

Слово «посетительница» миссис Далримпл произнесла с нажимом, подчеркивая некий тайный, явно зловещий смысл.

– Возможно, у этой... посетительницы... есть имя? – попытался выяснить Адам.

– Она не представилась. – На сей раз экономка многозначительно выделила слово «она».

Миссис Далримпл всегда ревностно охраняла покой пастора, ей хватало ума и решительности держать на расстоянии назойливых посетительниц. Осторожная и прозорливая, она пресекала любые попытки восторженных прихожанок проникнуть в дом преподобного Силвейна, действуя мягко, но непреклонно. Своей кротостью она могла бы остановить армию.

Адам вздохнул.

– Благодарю вас. Я сразу пройду в гостиную. Вы предложили...

– Чай. Да, сэр. Чайный серебряный сервиз, сэр.

Значит, миссис Далримпл сочла посетительницу достойной чайного серебра.

Несмотря на усталость, в Адаме невольно пробудилось любопытство.

– Вы чудо, миссис Далримпл.

– Я делаю все, что в моих силах, сэр, – тихо произнесла экономка.

Остановившись возле зеркала, преподобный Силвейн пригладил волосы, потом поднял руку, ткнулся носом под мышку и приняхался, не пахнет ли потом – ведь он весь день провел на ногах. Проверка его удовлетворила: выглядел он не слишком устрашающе и не смердел. Адам снова бросил взгляд в зеркало и вздрогнул – странно было видеть себя в сюртуке без галстука. Он тотчас вспомнил происшествие на дороге, его мысли, словно притянутые невидимыми ниточками, вновь устремились к графине. Нахмурившись, он потряхнул головой, прогоняя их прочь.

Теперь он был готов к беседе с неведомой гостьей.

Ту, что ждала его в гостиной, Адам меньше всего ожидал увидеть. Он застыл в дверях, глядя на красивую молодую женщину в платье из тяжелого синего шелка. Густую вуаль, какую надевают дамы, желая остаться неузнанными, она подняла на лоб, открыв лицо.

– Леди Ардмей. Чему обязан удовольствием вас видеть?

До недавнего времени леди Ардмей носила имя мисс Вай-

олет Редмонд. Леди Фенимор и теперь звала ее девчонкой Редмонд. «Вот уж поистине легка на помине!» – отметил про себя Адам.

– Добрый день, преподобный Силвейн. Как вы понимаете, я здесь не была. Вы меня не видели.

Адам понимал.

– Я не занимаюсь сплетнями и не поощряю злословия, так что можете не опасаться, о вашем визите никто не узнает.

Леди Ардмей примирительно улыбнулась.

– Простите. У меня и в мыслях не было подозревать вас. Просто... никто не знает, что я здесь. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы незаметно проскользнуть в пасторат. Возможно, вы не удивитесь, узнав, что я никогда прежде не беседовала со священником. Но, откровенно говоря, дело у меня весьма щекотливое.

«Об этом нетрудно догадаться», – подумал Адам. Уловка с вуалью и отказ назвать свое имя экономке красноречиво указывали на какую-то тайну. Как будто миссис Далримпл не узнала Вайолет Редмонд по голосу, фигуре и особой, горделивой, властной манере держаться.

– Пожалуйста, окажите мне честь – налейте нам чаю. – Он жестом указал на поднос с приборами.

Леди Ардмей исполнила его просьбу, и несколько минут прошло в молчании, нарушаемом лишь легким позвякиванием ложечек о чашки, в которых растворялись кусочки сахара. Наконец гостя заговорила:

– Я жду ребенка, преподобный.

Адам постарался придать лицу бесстрастное выражение, готовясь выслушать признание, от которого обычный человек состарился бы сразу лет на десять. Поскольку речь шла о Вайолет Ардмей (в девичестве Редмонд), пастора не удивило бы, если б отцом ребенка оказался сам архиепископ Кентерберийский. Однако архиепископа ожидала незавидная участь, узнай эту новость граф Ардмей.

– Примите мои поздравления. Дети – это прекрасно, – осторожно отозвался он.

Графиня благодарно кивнула в ответ.

– Я здесь из-за ребенка. Видите ли... так вышло, что у меня оказалась одна вещица... Год назад я не задумываясь выбросила бы ее в реку Уз, ведь я не имею к этому делу ни малейшего отношения. Но за последний год я кое-что узнала о... любви. – Она дерзко, едва ли не с вызовом вскинула глаза на Адама, будто считала любовь богохульством или ересью, грубой материей, не предназначенной для ушей священника. Знала бы она о недавней беседе пастора с леди Фенимор. – Думаю, здесь замешана любовь. Я... хочу поступить правильно. Для меня важно снять груз с души, прежде чем родится ребенок, и я решила передать эту вещь тому, кто распорядится ею мудро, согласно законам нравственности и добра, ибо к этому его обязывает пасторский долг.

В устах бывшей мисс Редмонд подобное толкование священнического долга звучало забавно.

Она протянула к Адаму руку и раскрыла ладонь, в которой оказалась изящная миниатюра.

В первое мгновение Адам не узнал лицо на портрете. Изображенная женщина казалась более юной, радостной, нежной, более невинной. Полной надежд.

– Это моя куз... это мисс Оливия Эверси?

– Да.

Адам недоуменно нахмурился. Откуда у Вайолет портрет Оливии?

Потом вдруг в голове у него мелькнула догадка, яркая, как внезапно вспыхнувший свет. Он почувствовал, как по шее пробежал холодок, волосы на затылке встали дыбом.

– Можно... – Бережно взяв миниатюру, он перевернул ее и увидел надпись, выведенную девичьей рукой: «Твоя навеки, О.»

Адам вспомнил нынешнюю Оливию, по-прежнему прелестную, но хрупкую, как стекло, ускользящую, неприступную. Она так искусно отвергала поклонников, что те и не подозревали, что их отвергли. Лишь одному человеку на земле Оливия могла бы подарить свой портрет, подписанный «Твоя навеки».

После недолгой паузы Адам отважился задать нескромный вопрос (впрочем, Вайолет пришла к нему по доброй воле, и, сказать по правде, его нисколько не заботило, что вопрос может показаться ей бесцеремонным). В эту минуту все его мысли занимала Оливия.

– Миниатюру отдал вам Лайон, ваш брат?

Он не сводил внимательного взгляда с лица Вайолет. Его немного забавляло, что та оказалась в замешательстве: лгать священнику – великий грех, однако пастор принадлежал к клану Эверси.

– Да, – выдохнула она наконец.

Казалось, сгустившаяся тишина в комнате пульсирует, словно сердце.

Адам понимал, что собирается задать вопрос, не относящийся к делу и, возможно, даже бесчестный, однако даже не подумал остановиться. Он решился спросить ради Оливии. Голос Адама звучал ровно, почти безучастно, хотя сердце тяжело бухало в груди – так топают солдатские сапоги по пыльной дороге.

– Недавно?

Он следил за Вайолет взглядом хищника, заприметившего добычу. Она медленно перевела дыхание. Вздохнула раз, потом другой. В любое мгновение она могла пролить свет на тайну, занимавшую жителей Пеннироял-Грин, да и весь высший свет Англии. А в особенности Редмондов и Эверси.

Леди Ардмей потянулась за чашкой. Руки ее дрожали, отчего чай подергивался рябью.

– Наверное, Лайон хотел, чтобы портрет передали Оливии. Надеюсь, вы решите, вернуть ли его владелице.

Теперь Адам уже не сомневался, что Вайолет видела брата. А если не видела, то знала, где он.

Он набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание, обдумывая эту мысль. Вот уже долгие годы никто не видел Лайона Редмонда. Тот как в воду канул, и жителям Пенни-роял-Грин только и оставалось, что ломать голову да строить догадки, где он. Известно было лишь, что старший Редмонд, всеобщий любимец и баловень, покинул город, когда Оливия Эверси разбила ему сердце. Исчезновение Лайона повергло в глубокое горе его близких и, разбередив старые раны, вновь разожгло между двумя семьями вражду, которая всегда медленно тлела под спудом, прикрываемая показной вежливостью.

Ни один человек не знал всей правды о том, что предшествовало исчезновению Лайона.

Разве что Оливия, но та не обмолвилась ни словом.

– Так Лайон жив? Он в Суссексе? Где он?

Адам говорил прежним сдержанным тоном. Но быстрые, отрывистые вопросы требовали ответа, а когда преподобный Силвейн чего-то требовал, он неизменно получал желаемое.

Он устремил на Вайолет долгий немигающий взгляд, не выражавший ни сочувствия, ни осуждения. Та нервно вскочила, не в силах усидеть на месте, но не смогла уклониться от ответа.

Адам тотчас поднялся, бессознательно следуя правилам вежливости.

– Скажу вам откровенно: я не знаю, – проговорила леди Ардмей, явно торопясь сбежать. Они настороженно смотре-

ли друг на друга. – Пожалуйста, возьмите миниатюру, пре-
подобный. Я предоставляю вам решать, следует ли вернуть
ее Оливии. Она, похоже, несчастлива. А годы идут, ее моло-
дость уходит. Впрочем, кто знает, возможно, она заслужила
наказание, которое теперь несет?

Адам уловил в ее словах нотку горечи. Что бы ни произо-
шло между Лайоном и Оливией, в итоге Вайолет лишилась
брата.

– Благодарю, что доверили мне эту вещь, – только и про-
изнес он.

После столь безумного дня дверь в трактир «Свинья и
чертополох» показалась Адаму райскими воротами (он ис-
кренне надеялся, что Господь простит ему это сравнение).
Его кузен Колин, сидевший вместе со своим братом Йеном
за одним из потертых, но крепких деревянных столов, при-
ветственно помахал ему. Адам опустился на стул напротив
братьев. Они наблюдали, как Джонатан Редмонд с изуми-
тельной точностью и быстротой бросает в мишень дротики
один за другим.

– Которого из Эверси, по-вашему, он представляет, когда
швыряет дротик? – лениво поинтересовался Колин.

Йен насмешливо фыркнул.

Адам не произнес ни слова, поприветствовав кузенов кив-
ком. Он откинулся на спинку стула, якобы вырезанного из
дерева, которое некогда росло в Ашдаунском лесу, вытянул
ноги и закрыл глаза, наслаждаясь теплом огня, рассеянно

слушая ровное жужжание голосов. Пастор наконец позволил себе роскошь отдаться чувствам. Слишком уж давно он старательно подавлял их или не замечал – все события этого долгого дня, все, что Адам успел пережить и обдумать за минувшие часы, напомнило ему об этом.

Когда он разомкнул веки, перед ним стояла Полли Хоторн, дочь Неда. Адам улыбнулся ей. Та покраснела до корней волос.

– Мне очень понравилась ваша проповедь о любви к ближнему, преподобный Силвейн.

– Рад это слышать, Полли.

– Знаете, я так и поступаю. Люблю своего ближнего. – Большие темные глаза Полли смотрели на него с благоговейным обожанием.

– Что ж, это хорошо. Прекрасно, – осторожно отозвался Адам.

Его кузены с трудом сдерживали улыбки. Полли, девушка лет шестнадцати-семнадцати, давно питала нежные чувства к Колину, однако тот не отвечал ей взаимностью, хотя ему и льстило подобное внимание. Полли так и не простила ему женитьбы на Мэдлин, затаив обиду с безжалостностью и непреклонностью, достойной Медичи. Она взяла за правило намеренно не замечать Колина, поэтому заказывать эль всегда приходилось Йену. Однако в последнее время Адам, похоже, вытеснил вероломного Колина из сердца Полли.

– Принеси Адаму большую кружку темного пива, милая, –

вмешался Йен, заметив, что девушка застыла, пожирая глазами пастора, и молчит уже добрую минуту.

Полли вздрогнула, будто пробудилась от сладкого сна, лучезарно улыбнулась и с грацией шелки³, дочери моря, скользнула в толпу завсегдатаев трактира.

– Мне тоже понравилась твоя проповедь, преподобный, – с самым серьезным видом произнес Колин. – Слушая тебя, я впрямь почувствовал, как душа моя очищается и воспаряет ввысь.

Адам зевнул.

– Замечательно. В таком случае еще несколько тысяч подобных проповедей, и тебе точно обеспечено место в раю.

Йен расхохотался.

– Да ладно, преподобный... что тебя так утомило? Все думал о своей новой прихожанке-грешнице и о смуте, которую она принесла с собой?

Еще один сюрприз?

– А у меня появилась новая прихожанка-грешница?

– Кажется, вы сегодня встречались. Говорят, она была утром в церкви. Впрочем, сам я ее не видел. Эта леди поселилась в Дамаск-Мэнор. Вроде бы усадьба досталась ей в наследство от покойного мужа. Одна служанка шепнула другой, а та слышала новость... от кого-то еще. Сам знаешь, как это бывает. К полудню молва обежала весь Пеннироял-Грин.

³ Шелки (также *селки*) – в фольклоре Британских островов люди-тюлени, волшебные морские существа.

– Ах да, конечно. Графиня Уэррен. Я уже познакомился с ней. – Глубокая усталость путала мысли Адама, воспоминание о графине нахлынуло оглушающей волной, ударило в голову, словно хмельное темное пиво, которое подавали в «Свинье и чертополохе», терпкое, горьковатое, бархатно-мягкое.

– Что ты о ней думаешь? – поинтересовался Колин, отхлебнув глоток эля.

– М-м... – Адам вскинул голову. – Она забавная, но немного напомнила мне... раненую дикую птицу, попавшую в беду.

Колин, фыркнув, пробормотал что-то невнятное. А Йен застыл, не донеся до рта кружку с элем.

– Какого дьяв... да что такое с вами обоими? Это всего лишь простое наблюдение, – возмутился Адам.

– Чертовски поэтичное наблюдение, – развеселился Йен. – Разве ты не знаешь, кто такая эта твоя... как ты ее назвал? Горлица?

– Раненой пти... так кто она?

Полли с грохотом поставила на стол перед Адамом кружку темного пива. Тот рассеянно нашарил в кармане мелочь и поднес кружку к губам, не глядя на девушку. Глубоко уязвленная, она гордо удалилась.

– Черная вдова, – просто ответил Йен. – Неужели ты не слышал о ней? Похоже, ты не читаешь лондонских газет.

– Нет. Я занимаюсь тем, что очищаю людские души, как

тебе известно. Так что же означает прозвище Черная вдова?

– Колин, почему бы тебе не рассказать эту историю, ты знаешь ее лучше всех? – предложил Йен.

Колин лениво потянулся, хрустнул пальцами и откашлялся, прочищая горло.

– Ну, преподобный Силвейн, – протянул он, – вначале графиня Уэррен выступала на сцене театра «Зеленое яблоко». Тогда ее звали Ева Дагган. Она немного танцевала, немного пела, немного играла, показывала изящные лодыжки, надевала полупрозрачные наряды. Исполняла песенки о пиратах, презабавно дрыгая ногами. Я находил их прелестными. Эта женщина буквально околдовала Лондон. Мы все яростно соперничали, добиваясь ее внимания. Я неоднократно тратил все свои деньги на цветы для нее. Разумеется, она не принимала всерьез мои ухаживания, поскольку хорошо знала, чего хочет, а я был для нее слишком мелкой рыбешкой – ни состояния, ни титула. Однако, хочу вас заверить, она никогда не скрывала своих устремлений и вовсе не была злобной или жестокой. Неотразимые чары прекрасной мисс Евы Дагган быстро вознесли ее на вершину успеха. Она начала появляться на сцене «Ковент Гарден». А затем...

– Слушай, Колин, не помнишь, кто свалился с балкона в оркестровую яму, пытаясь заглянуть ей в корсаж? – перебил брата Йен, барабанив пальцами по кружке с элем. – В тот вечер в театре давали «Мистраль», а Ева пришла с графом. Ходили слухи, так, впрочем, и не подтвердившиеся, что если

подобраться поближе, можно разглядеть в вырезе ее соски.

— Кэрридж, — отозвался Колин. — Бедняга повредился рас-
судком и с тех пор так окончательно и не оправился.

— Надеюсь, он хотя бы успел заглянуть в вырез ее платья,
пока падал. У нее восхитительная грудь. Насколько... я могу
судить.

— ...А затем, говорят, в ее сети попался достаточно бога-
тый мужчина, — продолжил свой рассказ Колин, — во всяком
случае, она оставила сцену и стала содержанкой. Потом у нее
появился поклонник еще более богатый и влиятельный, то-
гда она бросила первого покровителя. А после рассталась и с
ним, чтобы выйти замуж за графа. Иными словами, графиня
Уэррен, твоя «раненая дикая птица» — бывшая... куртизан-
ка, Адам.

Казалось, скабрезное слово лениво растянулось на столе
трактира, словно обнаженная натурщица на кушетке худож-
ника.

Оно вызывало ощущение неловкости и распаляло чув-
ственность.

У Адама на миг перехватило дыхание. Опасное слово
отравляло воздух ядовитыми миазмами, сея хаос в душах,
разлагая все моральные устои. Оно принадлежало к миру по-
лусвета, окружавшему достойных, богобоязненных людей,
словно стая волков овчарню. По крайней мере, так дума-
ли многие прихожане Адама. И этому учили своих дочерей
большинство матерей в Пеннироял-Грин.

Долг священника и духовного пастыря обязывал Адама сторониться порока. Так он и поступал. Однако не прочь был послушать о греховности. Тем более в беседе с родней, которая охотно пускалась в разговоры подобного рода.

– Ради всего святого, Колин, я знаю, что такое куртизанка, – раздраженно проворчал он. – Тебе нет надобности гримасничать, произнося это слово, словно ты злодей в пантомиме.

Ему с трудом удалось выговорить коварное слово. Разум приказывал Адаму отшвырнуть его от себя. Но чувства мешали сделать это.

– Это верно. Он священник, а не святой, Колин, – пришел на помощь кузену Йен. – Подозреваю, ты расстался с невинностью целую вечность тому назад, Адам. Я прав? Небось, с какой-нибудь горничной? Вот повезло милашке.

Адам смерил кузена уничтожающим взглядом. Хотя Йен угадал правильно.

Колин вернулся к своей истории.

– Итак, в свое время Ева пользовалась головокружительным успехом. Как-то раз двое ее поклонников сражались на дуэли, из-за того что она подмигнула не тому мужчине. А один богатый наследник потерял имение, опрометчиво заключив пари, что проведет ночь с мисс Дагган. Я мог бы продолжать бесконечно. Политики и вельможи, даже сам принц-регент увивались за ней. Ее осыпали драгоценностями, самые влиятельные особы королевства лезли из ко-

жи вон, добиваясь ее благосклонности. Блистательное восхождение этой звезды завершилось замужеством, когда граф Уэррен выиграл в карты право жениться на ней.

Адаму казалось, что каждая фраза Колина хлещет его по лицу.

– Конечно. Разумеется.

Схватив кружку с элем, он в несколько глотков осушил половину.

– Да, графу повезло в картах, он обыграл другого джентльмена, желавшего взять в жены мисс Дагган, – усмехнулся Колин. – Хотел бы я сказать, что они жили долго и счастливо, но вскоре после свадьбы граф Уэррен умер. Поползли слухи, что его убила жена. Разумеется, это совершеннейший абсурд, поскольку почти все имущество графа – неотчуждаемая собственность, доставшаяся его наследнику. А вслед за этим мистер Майлз Редмонд – тот Редмонд, знаменитый исследователь экзотических стран, он еще вечно возится с насекомыми и прочими тварями... словом, вы его знаете, так вот, он прочел в Лондоне лекцию о ядовитых пауках. В Америке водится паук, получивший название Черная вдова. Его самка убивает и съедает самца после спаривания. Лондонский свет пришел в восторг. Прозвище тотчас подхватили. Оно намертво приклеилось к графине Уэррен.

Наступило недолгое молчание – Адам осмысливал услышанное.

Потом, резким движением взлохматив волосы, он отбро-

сил их назад и простонал в досаде на себя:

– О боже!

Он с опозданием понял, что, сам того не желая, заговорил вслух.

– Думаю, ей часто приходилось слышать это нелестное прозвище, – лениво протянул Йен.

– Не в этом дело. Просто... я кое-что сказал ей сегодня...

Адам упомянул о пороке. «Нужна изрядная ловкость, чтобы настигнуть порок», – вот его слова. Он лишь пошутил, только и всего. Но графиня вздрогнула, как от удара.

Он почувствовал, что задыхается от стыда, словно грудь сдавило железным обручем. Разумеется, принести графине извинения он не мог. Что бы он ей сказал? «Знай я, что вы известная кокотка, осторожнее выбирал бы слова»?

– Так ты сумел вовлечь в разговор Марию Магдалину? – поинтересовался Йен.

Адам медленно покачал головой.

– Как бы то ни было, старина... не вини себя. Я сильно сомневаюсь, что твоя «дикая птица» – хрупкое, ранимое создание. Невинности в ней ни капли, – заметил Колин, не скрывая восхищения. – Эта женщина всегда превосходно знала, чего хочет и как добиться своей цели. Заполучив Уэррена, она достигла желаемого. Именно этого безжалостный свет и не может ей простить. Меня многое в ней восхищает, начиная с ее зеленых глаз и кончая честолюбием, в этом ей нет равных. И все же она настоящее чудовище – под шелковым

покрывом скрывается холодный металл. Женщины ее сорта и пальцем не пошевелят без причины – у них всегда что-то на уме.

Женщины ее сорта. Адаму внезапно вспомнились слова Мэгги Лэнгфорд: «Она не нашего поля ягода».

Он вновь увидел застывшую фигуру графини – рука судорожно прижата к груди, на щеках пламенеют два алых пятна – и вдруг осознал, что сам держится за сердце, будто ее боль передалась ему.

Украдкой опустив руку, он вцепился в пивную кружку.

В голове у него крутились обрывочные фразы, клочки только что услышанной истории леди Уэррен. Хрупкой женщины с невинными веснушками и нежными, чувственными губами, со сверкающими зелеными глазами и безупречным выговором аристократки, который, стоило ей испугаться, рассыпался в прах, словно ржавые доспехи, открывая... ее подлинную суть. Вздорный, вспыльчивый нрав, резкий ирландский акцент и готовность огрызнуться.

Остальное – повелительная манера держаться, безукоризненная речь, дерзость, тайные намеки и кокетство – не более чем подражание. Должно быть, она научилась этому у какого-нибудь покровителя. Или у многих покровителей.

Актрисы мастерски копируют других.

Как женщина становится куртизанкой? Что толкнуло Еву Дагган на этот скользкий путь? Что вытеснило на обочину жизни, заставив навсегда отказаться от порядочного обще-

ства? Однако одна роковая карточная игра все изменила.

Адам подавил удивленный, немного нервный смешок. Он вдруг поймал себя на мысли, что уже многие годы не произносил таких слов, как «куртизанка», «актриса» или «покровитель», бесконечно далеких от его повседневной жизни. И от жизни почти всех остальных обитателей Пеннирол-Грин. За исключением его кузенов, разумеется.

– Кто-нибудь из вас знает, откуда она родом, из какой семьи?

Ирландский акцент был лишь крохотным кусочком голо-воломки.

– Похоже, здесь кроется какая-то тайна, – отозвался Йен.

Поймав взгляд Полли, он небрежным кивком велел ей принести еще эля для всех. Девушка тотчас явилась с тремя кружками, одарив Адама сияющей улыбкой. Однако тот, погруженный в раздумья, ее не заметил, в очередной раз ранив нежное сердце бедняжки.

– Впрочем, я никогда над этим не задумывался, – добавил Йен.

В ответ Адам промывчал что-то невнятное. Он охотно верил, что графине есть что скрывать: эту женщину постоянно окружал ореол скандала.

Он мог бы высказать свои догадки, однако предпочел промолчать. В нем заговорила осторожность, внезапное желание защитить леди Уэррен, да и себя самого. Адам и словом не обмолвился о встрече с графиней на холмах и о ее ирланд-

ском акценте.

– Что, по-вашему, привело ее в церковь сегодня утром?

Колин задумчиво пожал плечами.

– Запоздалая забота о своей бессмертной душе? А может, жажда новых ощущений? Думаю, когда подвернется какой-нибудь мужчина, достойный ее внимания, она упорхнет из Пеннироял-Грин. А до тех пор едва ли кто-то откроет для нее двери своего дома, даже если она снизойдет до визита. И никто в городе не придет к ней. Ну, разве что приходской священник, разумеется. Скажем... из пасторского долга.

Наступила короткое молчание, в котором чувствовался вызов и настороженность.

В отличие от кузенов Адам никогда не мог позволить себе вести разгульную жизнь, предаваясь бесшабашным кутежам. Нельзя сказать, что он влачил безрадостное существование, но для широкого разгула – игорных домов, скачек, непристойных пьес и куртизанок – требуется масса денег и свободного времени.

Однако волей Божьей ни одному из кузенов Адама не приходилось соборовать умирающего младенца, а затем утешать рыдающую мать.

Иными словами, хотя обычно он не задумывался над этим, между ним и его кузенами лежала пропасть – в жизненном опыте, в возможностях и обязанностях. В каком-то отношении Адам был сущим младенцем по сравнению с обоими кузенами, но в чем-то другом он годился им в отцы.

То же касалось и графини.

Теперь духовный сан требовал, чтобы Адам берег свою безукоризненную, незапятнанную репутацию. По иронии судьбы, ему надлежало стоять перед прихожанами, напоминая об опасностях, подстерегающих доброго христианина, которому вздумается подражать закоснелым грешникам вроде Эверси.

Или овдовевшей графини Уэррен.

Жизнь Адама разбилась бы вдребезги, если бы молва хоть как-то связала его с графиней. Однако если бы Йен захотел приударить за ней, его ничто не могло бы удержать. По правде говоря, жители городка ожидали от него чего-то в этом роде.

Все трое кузенов отлично это знали.

Куртизанка. В своем воображении Адам все глубже и глубже погружался в это слово, как зарываются пальцы в густой мех. Он тонул в нем, как в патоке, беспомощно барахтался, не в силах вырваться. Казалось, само это слово заключает в себе неведомые миры, где властвует наслаждение.

Он слишком давно не испытывал наслаждения и, возможно, уже забыл, что это такое. Вот в чем беда.

И снова его пальцы стиснули пивную кружку.

– Думаю, я мог бы навестить ее. Возможно, забраться к ней на балкон по шпалере, обвитой плющом. Разве не так обычно наносят визиты графиням? Или мне следует влезть в окно?

Колин однажды сорвался со шпалеры, подбираясь к балкону некой замужней графини. А Йена как-то раз самым позорным образом выставили из спальни невесты некоего герцога, ему пришлось голым выпрыгнуть из окна и, спасаясь бегством, вернуться домой в одном сапоге.

Оба терпеть не могли, когда им напоминали об этих происшествиях.

– Тебе нужно жениться, Адам, – не без сочувствия предложил Йен. – Колину это помогло... – Он произнес это так, будто распутство Колина было заразной болезнью, исцеленной женитьбой. – Имей в виду, долгое воздержание приводит к тому, что снова становишься девственником.

Адам раздраженно закатил глаза.

Послышались нестройные шумные возгласы подвыпивших посетителей трактира – Джонатан Редмонд снова преуспел всех в метании дротиков. Трое кузенов оглянулись на шум, и в эту минуту сидевший за соседним столом мужчина поднял голову. Темные глаза, крупный нос, твердый квадратный подбородок – грубоватые черты его лица не отличались изяществом, но выдавали сильный, решительный характер. Мужчина вежливо кивнул, подняв стакан. Адам, Йен и Колин ответили на приветствие кивками.

– Лорд Ланздаун, – произнес Колин, понизив голос. – Последние две недели он каждый день посылает Оливии цветы. И всякий раз букет немного иной, так он надеется пробудить в ней интерес. На самом деле его настойчивость приводит

ее в раздражение. И все же, думаю, она с нетерпением ждет очередного букета. Дьявольски умный ход. К букету он прилагает записку, что будет счастлив нанести ей визит.

Адам наконец вспомнил, почему имя лорда показалось ему знакомым.

– Это тот, что оставил свое имя в книге для записей пари в клубе «Уайтс»? Предметом спора стала Оливия?

Ланздаун совершил весьма примечательный поступок. После исчезновения Лайона Редмонда никто из великого множества обожателей Оливии не осмеливался заключить пари на нее. Оливия мягко, но решительно дала всем понять, что подобный спор неизбежно окончится поражением.

«Мучительная ревность, бушующий огонь и бурлящий поток...» Что заставляло лорда Ланздауна столь упорно добиваться Оливии? Ее недоступность? Охотничий азарт, желание принять брошенный вызов? А может, Оливия для него сродни осколку стекла, вонзившемуся в плоть? Непокорная женщина, которой удалось увлечь лорда, заставив осыпать ее цветами?

В «Песни Песней» Соломона нет ни слова о человеческой глупости. Возможно, Ланздаун станет тем, кто воспоет глупость в стихах?

– Но ему нипочем не выиграть пари, – с мрачной уверенностью заметил Колин. – Он не знает Оливию. А я вам вот что скажу: нет ничего героического в тщетных попытках добиться цели. А насчет брака Йен прав. Женитьба – лучшее,

что я сделал в жизни. Неужели ты и вправду хочешь узнать, можно ли снова стать девственником?

Адам шумно вздохнул и, оттолкнувшись от стола, поднялся.

– Доброй ночи, кузены. Как всегда, беседа с вами свелась к нравоучениям. Раз так, можете заплатить за вторую кружку эля, что я выпил.

– Говорят, длительное воздержание делает мужчину вспыльчивым и брюзгливым, – обронил Колин ему вслед. – Так я слышал.

Йен ехидно рассмеялся.

Адам, уходя, совершенно случайно наступил ему на ногу.

Глава 6

Вернувшись домой после десяти часов, Адам обнаружил, что миссис Далримпл собрала и бросила в огонь все скомканные листы. И правильно, там им самое место, отметил он про себя. «Всему свое время и время всякой вещи под небом»⁴. Суббота – время сминать листы, воскресенье – время сжигать.

– Они прекрасно горят, преподобный. Мне нравится думать, что ваши слова взлетают к Господу вместе с дымом, – сказала экономка.

– Уверен, Господь испытал облегчение от того, что я сжег черновики проповеди, а не навязал их своей пастве, – сухо произнес Адам.

Часто в конце дня, после непрерывных бесед с прихожанами, выслушивания бесконечных споров, жалоб и излияний вроде распри из-за козла или покаяния леди Фенимор ему хотелось насладиться минутами блаженной тишины. Но на этот раз, придя домой из теплого шумного трактира, он вдруг почувствовал, как на него обрушилась мертвая, гнетущая тишина пастората. Бывали дни, когда он особенно остро ощущал свою оторванность от мира, одиночество, неизбежное в жизни священника. Он отдавал себя всем и никому в

⁴ Книга Екклесиаста или Проповедника; глава 3, стих 1.

отдельности.

Усевшись за стол в сияющей чистотой кухне, Адам взглянул на свои сапоги и угрюмо подумал: «Будь я женат, мне, по крайней мере, помогли бы разуться».

Он попытался представить себе эту сцену. Как, к примеру, Дженни опускается перед ним на колени и стягивает с него сапоги, ее мягкие белокурые волосы сияют в свете...

Картинка ускользала. Капризное воображение упорно подсовывало ему вместо фигурки Дженни стройный силуэт изящной брюнетки. Слава богу, крепкий ночной сон помогает исцелиться от подобных фантазий.

Услышав тяжелые шаги миссис Далримпл в холле, Адам открыл глаза и поднял голову.

– О, преподобный Силвейн, я слышала, как вы вошли. Тут кое-что пришло, пока вас не было.

Адам, как всегда, всмотрелся в лицо экономки, пытаясь угадать, о чем идет речь, но увидел лишь привычное сдержанное, терпеливое, слегка неодобрительное выражение.

Он перевел взгляд на руки миссис Далримпл. Она держала послание двумя пальцами с такой осторожностью, будто боялась обжечься или запачкаться. Адам заметил сургучную печать. Под мышкой экономка зажала мягкий на вид сверток, обернутый в коричневую бумагу и перевязанный бечевкой.

– Я подумала, что вы, возможно, захотите прочесть письмо прямо сейчас. Его доставил лакей. Волосы напудрены, а

сам разряжен, точно попугай, в алую с желтым livрею. Этот сверток он принес вместе с письмом.

Адам уставился застывшим взглядом на миссис Далримпл. Лакей в алой с желтым livрее?

— Преподобный? — несколько мгновений спустя осторожно спросила экономка с ноткой тревоги в голосе.

Адам вдруг поймал себя на том, что невольно затаил дыхание, и медленно перевел дух.

— Да, конечно. Благодарю вас, миссис Далримпл. Думаю, стоит взглянуть, что бы это могло быть.

Экономка протянула ему записку и сверток. Потом замерла в ожидании. Ей определенно не терпелось поскорее бросить в огонь и то и другое.

— Спасибо, миссис Далримпл, — тихо, но твердо произнес Адам.

Почтенная дама неохотно отступила, явно опасаясь оставлять преподобного наедине с опасным свертком.

Но Адам хотел остаться один.

Он помедлил, разглядывая почерк графини, словно надеялся разгадать ее тайну. На самом деле ему хотелось оттянуть мгновение, когда, прочтя письмо, он узнает о ней больше. Хотелось продлить радостное волнение, охватившее его при виде письма. Поскольку содержимое послания могло отравить радость.

Наконец он сломал печать.

«Преподобный Силвейн!

Боюсь, Ваш галстук безнадежно испорчен. Уверена, наша лошадь поблагодарила бы Вас за милосердие, если б могла. Надеюсь, Вы не откажетесь принять мое скромное подношение в знак благодарности за Вашу доброту. Эта вещица принадлежала моему покойному супругу, но поскольку его уже нет в живых, а в его гардеробе сорок семь подобных безделлиц, думаю, Вы не сочтете мой жест неподобающим (я вечно сомневаюсь, какую букву поставить в этом слове, надеюсь, Вы великадушно простите мне ошибки в письме). Впрочем, как Вам известно, в том, что касается приличий, едва ли можно полагаться на мое суждение. Хочется думать, что мы могли бы начать заново наше знакомство с чаепития в Дамаск-Мэнор, скажем, в следующий вторник. Я попытаюсь показать Вам, что не забыла о хороших манерах; возможно, мне удастся немного развеять Ваше нелестное мнение обо мне. Должно быть, у прихожан Пеннироял-Грин вошло в обычай угощать своего пастора, вот и я последую их примеру – верно говорят: в Риме живи как римлянин! Постараюсь не нагнать на Вас скуку.

Ваша соседка, графиня *Уэррен*».

Адам замер, неожиданно тронутый исковерканной орфографией и извинениями графини.

Потом перечитал письмо со смешанным чувством сострадания и недоверия. Эта женщина достигла немалых успехов

в искусстве очаровывать.

Пробежав глазами строки в третий раз, он вдруг поймал себя на том, что улыбается.

Медленно развернув галстук, он пропустил между пальцами мягкую ткань. Это был шелк, легкий, без единого пятнышка, точно душа святого.

Некогда этот галстук принадлежал мужчине, выигравшему в карты право назвать Еву Дагган своей женой.

Разумеется, священникам не дарят подобные вещи. Но в этом таилось особое очарование и опасность запретного подарка.

Адам старался не обделять вниманием никого из прихожан. Он побывал почти во всех домах, жители Пеннироял-Грин постоянно приглашали его отобедать. И если графиня Уэррен собиралась примкнуть к его пастве, едва ли он мог отклонить ее приглашение.

«Эта женщина и пальцем не пошевелит без причины», – предупредил Колин.

Кузены описали ее как рассудочную особу, живущую расчетом. Женщину, хорошо знающую, чего она хочет, привыкшую неизменно получать желаемое. Определенно, она что-то задумала, для того ей и понадобился пастор.

«Помоги мне, Господь», – подумал Адам. Ему не терпелось узнать, что у нее на уме.

– Никаких драгоценностей. – Хенни твердо стояла на своем. – Он же священник. Наверняка ему уже известно, что

вы были содержанкой. Ни к чему лишний раз напоминать об этом, обвешиваясь дорогими побрякушками.

За несколько дней, прошедших после приезда в Пен-ни-роял-Грин, Хенни выяснила, что преподобный Силвейн по материнской линии состоит в родстве с Эверси. И что сестра миссис Уилберфорс, служанки Евы, вела хозяйство в доме местного доктора. Это объясняло загадку, как весь город узнал, кто новая владелица усадьбы Дамаск-Мэнор.

Ева последовала совету Хенни и обошлась без украшений, оставив лишь медальон с изображением святого Христофора, который никогда не снимала. Она ожидала пастора в гостиную. Изящный медальон уютно покоился в ложбинке на груди. Ева безотчетным движением прикоснулась к нему и вытянула шею, следя за тем, как преподобный Силвейн вручает лакею шляпу и плащ. Слуга выглядел озадаченным — ему еще не приходилось видеть одежду в столь плачевном состоянии, обычно гости графини сбрасывали ему на руки элегантные щегольские плащи, безукоризненно вычищенные камердинерами.

Пастор вошел в комнату, но, сделав несколько шагов, остановился. Он увидел хозяйку, стоявшую у камина, под огромным портретом угрюмого бородатого молодца с пышной шевелюрой, должно быть, одного из предков покойного графа.

Как она могла забыть, что преподобный такой высокий? Хотя вернее было бы сказать, рядом с ним человек обыч-

ного роста невольно чувствовал себя маленьким и хрупким.

Сам воздух в комнате, казалось, расступился перед ним. Ева так остро ощущала близость пастора, будто от него исходили невидимые волны. Бурные, стремительные, они вздымались и сталкивались, накатывая на нее. Прижав локти к бокам, она сцепила пальцы в замок. Ее руки льнули друг к другу, словно два беспомощных зверька, ищущих убежища. Ева не двинулась с места, чтобы поприветствовать преподобного, и не произнесла ни слова – язык будто прилип к гортани. Все ее чувства внезапно ослабели, осталось лишь зрение. Она смотрела на гостя пристальным неподвижным взглядом.

Пастор смотрел на нее. Казалось, ковер между ними – море, разделяющее два враждебных лагеря.

Только тогда Ева заметила, что он держит в руке маленький букетик ярких цветов. Любой другой мужчина на его месте выглядел бы жалко. Но не преподобный Силвейн. Свой букет он держал точно скипетр.

Прошло несколько дней с их первой встречи, и, глядя на пастора теперь, Ева вдруг поняла, что ошибалась, предвкушая легкую победу над ним. Кое-что важное и весьма опасное ускользнуло из ее памяти. Его пронзительный взгляд, настаивающий даже в отдаленном углу комнаты. И эта линия изящно очерченных губ. И поразительная, необычайная уверенность. Уверенность человека, которому нечего себе доказывать, поскольку он уже все доказал.

Ева задумалась, откуда в нем эта сила. Ведь он всего лишь

священник. Пишет проповеди о козлах и читает их жителям городка по воскресеньям. Живет в Суссексе, будто в теплице, не зная ничего другого. Вот и весь его мир. В то время как она сама совершила немыслимый взлет от торфяных болот Ирландии до резиденции принца-регента в Карлтон-Хаусе и стала графиней Уэррен. Она могла бы узнать по запаху дыхание Принни⁵ – видит бог, тот не раз наклонялся к ней, пытаясь заглянуть в вырез ее платья. Если существовал способ пробить броню сдержанности преподобного Силвейна, Ева собиралась его найти.

Взглянув на старые, потрескавшиеся сапоги пастора, она окончательно утвердилась в своем намерении.

Тем временем преподобный рассматривал ее руки. Наконец он поднял глаза, и уголок его рта насмешливо, с вызовом пополз вверх. О, этот мужчина отлично сознавал свою привлекательность. Он заметил, как Ева нервно сплетает пальцы, и понял, что она с трудом сдерживает волнение.

– Благодарю, что пригласили меня к себе, леди Уэррен.

Ах, этот голос...

Сердце Евы забилося до нелепости быстро и неровно.

– Спасибо, что пришли, преподобный Силвейн. – Сказано в меру непринужденно и любезно, мысленно поздравила она себя.

На этом разговор иссяк.

⁵ Прозвище принца-регента, впоследствии короля Великобритании и Ганновера Георга IV (1762–1830).

Ева прочистила охрипшее горло.

– Священникам разрешено употреблять спиртное? Могу я предложить вам хереса? Кажется, так ведут себя радушные хозяйки – весело проговорила она. – Надеюсь, это докажет, что я еще помню о хороших манерах.

Пастор улыбнулся. На щеке его на мгновение показалась ямочка. Ева восхищенно замерла, словно в комнате вдруг вошла луна.

– Как я понимаю, это только начало. Но я бы предпочел портвейн, если он у вас есть.

Они будто соревновались в искусстве вести беседу ни о чем.

Внезапно поняв, что стоит неподвижно, точно прирос к полу, преподобный плавным, широким шагом прошел в глубину комнаты. Ева заметила, как его цепкий взгляд перебегает с одной вещи на другую: от обитого бархатом канапе цвета коньяка к обтянутым атласом стульям с высокими спинками, потом к портрету бог знает кого, висящему над камином.

Что знал о ней этот человек? Возможно, воображал, как она ублажает любовников на этом самом диване? А может быть, пока он вежливо улыбался, в голове его горело слово «потаскуха», раскаленное, словно кусок железа, только что вынутый из кузнечного горна?

– Конечно, у меня есть портвейн. О, подумать только! Вы пришли с цветами. Как... мило с вашей стороны.

Она вытянула вперед руки, и он церемонно вручил ей букет. Затем, к ее удивлению, пастор достал из кармана сюртука небольшую баночку.

– Поскольку вы недавно переехали в Суссекс... это здешние полевые цветы. А вот мед... собранный пчелами с этих цветов.

Ева насторожилась. Мед, пчелы, перелетающие от цветка к цветку в поисках сладкого нектара... подобными расхожими метафорами пестрели поэмы, которые слагали в ее честь восторженные юнцы. Быть может, в словах священника таился какой-то намек? Или они лишь преамбула, и за ними последует продолжение?

Впрочем, наверное, ей во всем будет видеться скрытый намек, пока она не узнает точно, что именно известно пастору о ее прошлом.

В гостиной появился лакей. Ева с явным облегчением передала подарки ему, попросив подать чай и портвейн.

Потом повернулась к гостю.

– Цветы и пчелы, – оживленно заговорила она. – Немного похоже на начало проповеди. Возможно, о полевых лилиях, которые не трудятся?⁶

– Может быть. Я непременно сообщу вам, если надумаю воспользоваться этой идеей, чтобы вы могли прийти в цер-

⁶ И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. (Евангелие от Матфея; глава 6, стихи 28–29).

ковь и поспать.

Ева рассмеялась.

Лицо пастора вдруг радостно вспыхнуло, словно он услышал райскую музыку.

Однако в следующий миг радость исчезла, будто ее вовсе не было, а лицо приняло прежнее вежливое, непроницаемое выражение.

– Садитесь, пожалуйста, преподобный. Вы возвышаетесь надо мной, как башня.

Он медленно обвел глазами кресла, точно решал, которое из них не сломается под ним, и выбрал одно, с высокой спинкой в форме веера и с гнутыми золочеными ножками.

Ева устроилась на канapé. Повернувшись к гостю, она расцепила пальцы и обманчиво небрежным, рассчитанным жестом уронила руки на колени.

Гость и хозяйка встретились взглядами. Они походили на двух дипломатов, представляющих каждый свою державу и готовящихся подписать договор. Следовало бы нанять переводчика, который владеет языком как священников, так и графинь, усмехнулась про себя Ева.

Пастор явно чувствовал себя неуютно в кресле. Он сидел с прямой, как шомпол, спиной, будто опасался прислониться к бархатной спинке, похожей на раскрытый веер. Его скованная поза выдавала напряжение.

– Вы первая, кто заснул на моей проповеди, леди Уэррен. А вот и первый артиллерийский залп. Любопытно. И что

на это ответить?

– О, не сомневаюсь, преподобный. Полагаю, все женщины городка поедают вас глазами, ни одна не хотела бы упустить и минуты из вашего выступления.

Пастор не ответил. Его молчание казалось плотным, почти осязаемым, точно захлопнутая дверь перед носом бродяги, и Ева невольно растерялась.

Боже милостивый... Как это понимать? Красивая женщина сделала ему комплимент. Другой на его месте был бы польщен или по крайней мере заинтригован. Неужели в нем нет ни капли тщеславия? Быть такого не может! Впрочем, гордыня вроде бы – один из смертных грехов? Но мужчина эдакого роста и с такими скулами наверняка грешит самолюбованием.

Ева выдержала паузу, ожидая ответа.

Однако пастор казался невозмутимым, молчание ничуть его не тяготило. Таких, как он, Ева еще не встречала.

– Я прошу прощения за то, что заснула, – немного сбивчиво произнесла она наконец. Впрочем, говорила она искренне. Молчание преподобного вытягивало из нее слова. – Это было по меньшей мере невежливо. Но дело в том, что солнце пригревало всю, а я очень устала, и ваш голос... – Она внезапно осеклась, испугавшись признания, которое едва у нее не вырвалось.

– И что же с моим голосом?

Он задал вопрос так мягко, естественно, доверительно...

своим бархатным голосом. Еве вдруг захотелось ответить правдиво, принести в дар свою искренность, доставить пастору удовольствие.

Замечательный талант для священника.

Или для соблазнителя.

– Мне нравится ваш голос, – чуть слышно проговорила Ева. Без тени кокетства. Она просто сказала правду.

Эта неожиданная откровенность вызвала у нее чувство незащищенности и легкую обиду, словно признание вырвали силой.

Пастор не произнес ни слова.

И тут губы его медленно растянулись в улыбке, дерзкой, почти бесстыдной, зато теперь Ева могла как следует ее рассмотреть. У нее перехватило дыхание, она едва сумела справиться с собой.

Лицо пастора просветлело, словно из-за грозowych туч показалось солнце, и Ева ощутила, как по спине вверх прокатилась волна жара.

На мгновение ей показалось, что она целиком во власти сидящего рядом мужчины, что, если не погаснет его улыбка, ей грозит смертельная опасность.

Этот служитель Божий наслаждался своей победой, точно сам дьявол.

К счастью, улыбка сбежала с его губ, как скрывается за облаками солнце.

Еве стоило больших усилий сохранять самообладание.

Однако она знала: лучший способ защиты – нападение. Нужно было выбить почву у него из-под ног.

– И раз уж я перешла к извинениям, наверное, мне следует попросить прощения за слово «чертов», брошенное вам в лицо. Признаюсь, меня испугало ваше внезапное появление.

– А мне понравилось словечко «чертов», – без тени замешательства отозвался преподобный. – Да и вся ваша тирада. Как видите, я только что тоже произнес это слово. В Риме живи как римлянин, вы верно заметили.

– Но... разве священникам дозволено чертыхаться? – удивилась Ева, отвлекшись от своей первоначальной цели.

– О, я уверен, Всевышний часто прощает нам мелкие проступки. Иное дело, если бы я ругался постоянно, да еще с остервенением, с бешеной страстью.

«С остервенением, с бешеной страстью? Сильное выражение для духовного лица», – подумала Ева.

– Возможно, существует некая тайная квота на подобные слова, и если ее превысить, вас ждет кара Господня.

Улыбка пастора разила наповал, словно молния. Ева невольно подалась вперед, как ребенок, пытающийся коснуться рукой радуги. Снова!

Преподобный принял чуть более расслабленную позу.

– Предлагаю вам попробовать, – откликнулся он. – Думаю, здесь понадобится дерзость и необузданность.

И снова в комнате повисла тишина. Увы, две двусмысленности подряд – «необузданность» вслед за «бешеной стра-

стью» – оборвали нескладную, спотыкающуюся беседу. Ева не сомневалась, что пастору пришла в голову та же мысль, что и ей самой: мисс Дагган, из-за которой мужчины стрелялись на дуэли, падали с балконов и держали пари, рискуя потерять состояние, лишь бы заполучить ее, была воплощением необузданности и бешеной страсти.

Ева почувствовала, как прошлое заполняет гостиную, будто на диванах в разнузданных позах развалились ее бывшие любовники.

Как же вытащить разговор из глубокой канавы, куда он неожиданно угодил?

Вернее, как превратить поражение в победу?

– До моего замужества их было двое, преподобный Силвейн.

– Что, простите?

– Двое. Мужчин, – медленно, отчетливо проговорила Ева. – Только двое. Если раньше вы ничего обо мне не слышали, уверена, теперь вам рассказали о моем прошлом, и, думаю, будет лучше прояснить это сразу. В противном случае, недосказанность неизбежно будет отравлять нашу беседу.

Она невольно затаила дыхание, встретив пронзительный долгий взгляд его синих глаз. Казалось, он заглядывает ей в душу, чтобы сосчитать ее грехи.

– Почему вы ограничились двумя мужчинами? Отчего бы не остановиться на шести? Или на семнадцати? Или жад-

ность – тот единственный из смертных грехов, которого вы избегаете?

Пастор произнес это будничным тоном, и Еве не сразу удалось справиться с потрясением.

Она напряженно застыла, приоткрыв рот. Каким-то чудом ее челюсть не отвалилась, удержалась на месте.

– Я... – Из ее горла вырвался лишь жалкий писк.

Этот человек видел ее насквозь. Он откровенно забавлялся.

– Честно говоря, смутить меня гораздо труднее, чем вы, возможно, думаете, миледи, – мягко добавил пастор.

По губам его вновь скользнула лукавая улыбка.

Ева, сама того не желая, замороженно смотрела на него.

– Всего двое, – бессмысленно пробормотала она охрипшим голосом.

– Я не сужу людей, леди Уэррен, что бы вы обо мне ни думали. Скорее, я указываю им путь, если вы понимаете разницу. Так уж вышло, что мне... коротко пересказали вашу историю.

– О, в самом деле? Передайте Колину привет от меня, – с добродушной иронией усмехнулась она.

Преподобный кивнул.

– А поскольку история эта довольно красочная, вы одна из многих... ярких фигур в нашем городе.

– Ах, какая досада. Я всегда находила утешение в сознании собственной исключительности.

– Уверен, вы можете по-прежнему утешаться этой мыслью, – сухо заметил пастор.

– Я ждала, что вы начнете флиртовать со мной, преподобный. Могу я считать это началом?

– Никоим образом. Я понятия не имею, что значит флиртовать.

– Ну, вы обучились бы в два счета. Возможно, если бы...

– Вы неверно меня поняли. Я не нуждаюсь в уроках. – Сказал, точно топором отрубил. Его прямота граничила с грубостью.

Краска возмущения залила щеки Евы. Ей не сразу удалось заговорить.

– Я думала, священники хоть немного владеют искусством дипломатии, – язвительно проговорила она. Голос ее слегка дрожал.

– Уверяю вас, мне оно не чуждо. Однако я подозреваю, что вы не нуждаетесь в дипломатии, леди Уэррен. Вас не назовешь чувствительной и ранимой. Вдобавок дипломатия занимает слишком много времени, а жизнь коротка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.